

Нина Васина

Приданое для Царевны-лягушки

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120107
Н.Васина Приданое для Царевны-лягушки: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-05446-4*

Аннотация

В жизни Платона Омолова, богача, сибарита, холостяка, наступил черный период. При неясных обстоятельствах умер его родной брат, держатель общака по кличке Богомол. У него остались наследники – сыновья Веня и Федор. И вот эти два племянничка поселяются в квартире Платона. К старшему, Федору, должно перейти «дело» папаши после того, как ему исполнится двадцать один год. Но до дня рождения еще надо дожить. Платон неожиданно привязался к шепутным братьям, невзирая на то, что они ввязали его в криминальные разборки. Но тут начинаются чудеса! В его жизни появляется девочка-колдунья, такая Царевна-лягушка. Она поселяется в доме Платона в качестве жены Федора. Но даже эта прорицательница не спасает Федю. Он погибает. Теперь унаследовать миллионы Богомола должен его младший сын – Веня. Доживет ли он до этой поры? Платон не уверен...

Содержание

Нина Васина	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Нина Васина

Приданое для Царевны-лягушки

Платон Матвеевич Омолов, добрейший до наивности человек, интеллигент, умница и большой любитель женщин с подростковой хрупкостью тела, накануне всех этих ужасных роковых событий провел приятный вечер в клубе Трубочников.

Уединившись своей компанией, шестеро мужчин обсуждали результаты последнего лондонского аукциона, лениво поигрывали в покер, пили хорошее вино и, естественно, курили трубки. Платон Матвеевич один не курил. Многие замечали и обыгрывали иногда в каламбурах эту странность – лучший трубочник не курит. То есть вообще. В тот вечер он, как всегда, не без удовольствия вдыхал дым от табака, доставленного на днях контрабандой в питерский порт, удачно шутил и выиграл некоторую сумму – не столь большую, чтобы испортить настроение остальным трем игрокам. Самые молодые из шестерых – Юго-Запад и Северо-Восток – не играли, спорили у камина об определении по одному только запаху марок завезенных в клуб испанских вин.

– Вы сегодня совершенно в теме, Платон Матвеевич, – отложил карты превосходящий Платона и по весу и по росту огромный и абсолютно лысый Юг Иванович. Для него в клубе было заготовлено специальное кресло, на которое никто другой, даже в отсутствие Юга Ивановича, садиться не смел.

Стоит заметить, что Платон Матвеевич единственный из шестерки пользовался своим настоящим именем. Поскольку, как считали некоторые злопыхатели, Платон Матвеевич попал в это место для избранных исключительно на правах лучшего резчика по дереву – не более, так что же ему за надобность тогда придумывать себе Ивановича. Хороший мастеромой должен озвучивать собственное имя.

– Чушь! – хмыкнул на это желчный Запад Иванович. – Ты резчик так себе, мне в Амстердаме подарили непревзойденную по исполнению трубку. Вот от нее глаз не отвести!

– Так что ж ты тогда не куришь ее? – поддел его Восток Иванович.

– Да неудобная она во рту, – купился Запад Иванович и сам первый засмеялся, поняв, что проговорился.

И тут же все, мимоходом награждая мастера хвалебными эпитетами, в который раз дружно согласились, что Платон Матвеевич Омолов создает не просто трубки, а дополнение к удовольствию – этакую почти живую форму, каким-то чудом невероятно приспособляющуюся к конкретному лицу и подсказывающую самое естественное положение ладони.

Платон Матвеевич, уже привыкший и почти не замечающий подобных хвалебных речей, отстранился было взглядом на восхищенное разглядывание пляски огня в камине, но был насильно возвращен в беседу. Север Иванович рассказал поучительную историю о трубке, которую для него сработал Платон Матвеевич. Так получилось, что дорогую вещь Северу Ивановичу пришлось подарить близкому другу, разбившему свою. Так тот через некоторое время вернул ему дар, уверяя, что *трубка в него не ложится*, как ни захвати – неудобно, и *в лицо не вписывается*. Короче, совсем чужая оказалась. Подошедший к столу молодой – не больше сорока – Юго-Запад подтвердил: хороший мастер делает трубку, как хороший дантист вставную челюсть – персонально. Только у дантиста это получается из-за слепка, а у трубочника – от души и интуиции.

– Иди отсюда, – отмахнулся от него Юг Иванович. – Всю беседу испортил своим дантистом, – поморщился он.

Но Платон Матвеевич подумал, что он действительно соглашается вырезать трубку по заказу, только когда точно знает, кому она предназначена. И даже думает иногда об этом человеке, но только на стадии первой обработки заготовки.

– Не слушай никого, – успокаивая, заметил Запад Иванович. Он принял задумчивость Платона за нервическую грусть мастерового, попавшего в чуждую ему компанию. – Ты знаешь, и я знаю, что ты, кроме всего прочего, хороший бухгалтер.

– И я знаю, – поддержал его Юг Иванович.

– Ой, не напоминайте! – поник головой Восток Иванович, и вся компания заговорчески засмеялась.

– Дружок! – Север Иванович позвал от камина своего помощника. – Погадай нашему умнице бухгалтеру. А то все – «мастер, трубочник!..» Он великий человек.

Северо-Восток, высокий плечистый мужчина лет тридцати, с длинными вьющимися волосами вокруг нежного лица, смотрел застенчиво, двигался плавно, и ладони у него были горячие.

– Платон Матвеевич, – доверительно прошептал он, рассматривая минуты три правую ладонь трубочника и бухгалтера, – у вас будут неприятности...

– У кого их нет? – по-хозяйски перебил его Север Иванович. – Скажи что-нибудь важное для жизни!

– Если для жизни, так я вижу, что вы много страдали. Сердце у вас неприкаянное, но будущее счастливое – шестеро детей, много внуков и богатый дом.

– Спасибо большое, – Платон отнял у прорицателя руку.

Все Ивановичи тактично промолчали. Они знали, что Омолов не женат, детей не имеет.

А сам Платон подумал, что вряд ли уже бог все это ему даст – возраст. Еще он подумал, как некстати получилось с этим гаданием. Только бы вся компания теперь из сочувствия, прорвавшегося на самом деле из подсознания неуправляемой вредностью, не стала говорить о детях. Он не доверял никому, особенно этим людям, присвоившим себе с властью и деньгами право на бестактность, как на неконтролируемый стариковский пук.

Платон Матвеевич уехал домой с обрубком можжевельового дерева для новой трубки и с ощущением муторности на душе. Он не считал минуты, не цедил по капле тихую мокрую ночь, не следил с настороженностью охотника за Невой, облизывающей гранитные камни искусственного русла. Он вообще не знал, что этот мирный вечер был так важен его затаившейся после странного гадания душе. Он не запомнил себя в нем и очнулся на следующий день в ужасе под мяукающие, орущие, чавкающие звуки тропического леса.

...Вкрадчивый монотонный голос сообщил с оттенком уважения, что «...жажда убийства у самки объясняется большой потребностью в белке...». Дернувшись от такого сообщения, а еще больше от звука зловещего вкрадчивого голоса, Платон Матвеевич открыл глаза и с шумом втянул в себя стекшую из угла рта слюну. Он огляделся с животной настороженностью человека, проснувшегося в непривычном месте – вращая глазами и не двигаясь, – потом ощупал карманы и уставился тяжелым взглядом на покачивающееся со слоновьей медлительностью старинное пресс-папье на столе. Пошевелившись, Платон обнаружил, что и кресло под ним покачивается и даже слегка вращается от малейшего его движения, шея затекла, а вкрадчивый голос в правом ухе просил обратить внимание на то, как умело и невозмутимо хиеродуля¹ пожирает древесную лягушку. Голос сменился шумом тропического леса, на фоне которого предсмертные крики лягушки звучали резко, но не жалобно, скорее с упорством злобного отчаяния. Платон с трудом заставил себя поднять голову и выпрямиться, после чего покорно уставился в экран монитора.

¹ Китайский богомол.

Растопыренная подрагивающая лапка лягушки с круглыми впадинками присосок. Крупным планом.

Платон потянулся к мыши, запутался в каком-то проводке и вдруг ощутил себя в тишине: от его неосторожного движения из уха вывалилась черная пуговка наушника, и теперь яркая лягушка разевала перламутровую полость рта совершенно беззвучно. Платон остановил кадр, увеличил насекомое, поедавшее квакушку, и настороженно осмотрел его на экране монитора. Насекомое раскраской больше напоминало яркий цветок, странная его голова – приплюснутая и с глазами инопланетянина – блестела от лягушачьей слизи, а передние ноги застыли полураскрытыми складными ножичками с зазубренными лезвиями.

Откинувшись на спинку кресла и слегка покачавшись туда-суда, Платон тяжело вздохнул и огляделся. В ту же минуту, словно подстергая его желание, в комнату вошел невысокий старичок в белом халате и с гладким розовым лицом ценителя правильного образа жизни. Он церемонно представился.

– Коля Птах к вашим услугам!

– Простите?..

– За что? – тут же отреагировал старичок, взял наушник, валяющийся на столе, и укоризненно потыкал им у лица Платона. Тот откатился на кресле подальше и осторожно произнес:

– Я ваше отчество не расслышал.

– А я его не говорил. Зовите меня просто Коля.

– А как вы меня будете называть? – совсем уж глупо поинтересовался Платон.

– А я вас буду называть Платон Матвеевич, как и полагается. Вы поразительно небрежны, Платон Матвеевич.

– Виноват, – пробормотал тот, скосив глаза на свой выступающий живот, стараясь оценить степень промокания кончика галстука. За все прочие предметы одежды он был абсолютно спокоен, но вот галстук... Его кончик совершенно непостижимым образом полчаса назад оказался в унитазе.

Дело было так. Ночью, когда Платон добрался из клуба домой, ему позвонили и настоятельно пригласили приехать к восьми тридцати утра на улицу Разъезжую к дому номер шесть в одно весьма серьезное ведомство. Платон не удивился, когда уже на месте увидел в целости и сохранности и дом, и знакомый подъезд в подворотне с неприметной дверью в нем с совершенно не изменившейся за двадцать лет надписью «Отдел кадров», исполненной в лучших традициях соц-арта – красно-коричневой краской на пожелтевшем картоне. За дверью, впрочем, все изменилось неузнаваемо: мягкая подсветка уютных коридоров с ковровым покрытием и кожаными креслами вместо продавленных стульев, по-родственному приколоченных когда-то друг к дружке палками – по шесть штук. В туалете, куда Платон попросился, как только рассмотрел фотографии убитого Омолова Б. М., появились писсуары совершенно авангардного вида, смесители на раковинах торчали модными клювиками, из держателей над ними свешивались бумажные полотенца, и унитаз, перед которым бросился на колени Платон, внушал доверие своей стерильностью и совершенством исполнения. Платон даже и не огорчился, обнаружив кончик своего галстука в этом унитазе. Когда рвотные потуги прекратились, он замыл галстук над раковиной, промокнул полотенцем и даже слегка просушил под сушкой.

– Нельзя так пренебрежительно относиться к чужому труду, – вздохнул Коля Птах. – Четыре человека больше часа готовили к вашему приходу материал, копались в Интернете, проводили сравнительный анализ данных и компоновали факты. А вы что сделали, Платон Матвеевич? Заснули перед экраном.

– Извините, я от большого волнения или потрясения часто впадаю в спячку, – смущенно объяснил Платон. – Это у меня с детства такая защитная реакция. Вы показали фото-

графии мертвого тела моего брата, вот я и разнервничался, а потом... Когда вы меня посадили перед компьютером, я подумал, что это для успокоения. Все эти тропики, насекомые, лягушки – это чтобы я расслабился, ну вот я и заснул.

– Да как же можно! – почти с восхищением всплеснул ладошками старичок. – Я все вам рассказал подробнейшим образом, милейший Платон Матвеевич, и показал на снимках плечо вашего брата в районе подмышки в увеличенном виде, вот, взгляните еще раз...

– Не стоит, – заявил Платон и посмотрел на взволнованного собеседника как можно уверенней. – Право, не стоит еще раз на это смотреть.

– Вот тут даже разметочка представлена, чтобы вы хорошенько уяснили размеры надреза на плече трупа, в который и была вложена оотека. Вы сразу же после этого ушли в туалет, а я вам креслице поудобней подвинул к монитору и чай заказал покрепче.

– Ну хорошо, – сдался Платон и мазнул взглядом по фотографиям, – что такое эта ваша оотека?

– Это просто. Это капсула с яйцами, как у тараканов. Видели самку таракана с яйцом в заднице?

Платон беспомощно огляделся. Он вдруг понял, что яркое насекомое с ногами-ножичками, пожирающее лягушку, имеет какое-то отношение к смерти его брата.

– А ваш чай остыл, – по-домашнему заметил Коля Птах и продолжил, не меняя интонации: – На плече вашего мертвого брата – в районе подмышки, спереди – хирургическим инструментом сделан разрез, в который кто-то аккуратно вложил оотеку с яйцами богомола.

– У брата было прозвище Богомол, – тихо заметил Платон, как будто это что-то могло объяснить.

– Я знаю, – кивнул Птах. – А у вас было прозвище Кукарача.

– Это в детстве, – отмахнулся Платон. – Когда я был еще маленький. Я любил песню про кукарачу, а потом, когда подрос...

– А вы знаете, что означает это слово? – перебил Птах с обидным пренебрежением к его воспоминаниям. – Кукарача – это таракан.

Платон ужасно удивился, несколько секунд напряженно смотрел в розовощекое лицо, потом покачал головой:

– Нет...

– Это правда! Большой и черный. У нас в Питере таких полно, немцы их называют какерлаками. Бежит такой тараканище по столу – большой, твердый! Какер-лак! Какер-лак! – Птах постучал пальцами по столу перед Платоном. – Вы из одного отряда насекомых.

– Что?.. – спросил Платон, совершенно потеряв чувство реальности.

– Вашего брата прозвали Богомол, вас – Кукарачей, а богомолы и тараканы находятся в генетическом родстве. Все по теме. – Птах широко улыбнулся, обнажив розовые десны над пожелтевшими зубами.

– Никакой темы, – пришел в себя Платон. – Мой брат – Богуслав, и прозвище у него было соответствующее: Богуслав Омолв – вот тебе и Богомол. А я – Платон, по-домашнему – Платоня, а потом – просто Тоня. Кукарачей я был недолго, когда танцевал твист под любимую песенку с пластинки, это время давно ушло.

– Но ведь все равно сходится! – азартно подмигнул ему Птах. – Кукарача и Богомол, а?

– Не сходится, – резко ответил Платон, уже жалея, что разоткровенничался насчет прозвищ.

– Вы ведь ночью не спали, да? – вдруг спросил Птах. – Вам еле смогли дозвониться после полуночи, вы потом не заснули уже?

– Заснул, – пожал плечами Платон. – Два года назад мне предложили стать народным заседателем в суде присяжных. Я отказался. Вот тогда я не спал. Две ночи. А сегодня спал, и отлично выспался, скажу я вам, потому что подумал, что вы меня пригласили на старое

место работы уговаривать идти в заседатели. Но на эту тему я уже отнервничался и потому прекрасно спал.

– Вы ведь у нас в Конторе бухгалтером работали? – Птах посмотрел в какую-то бумажку и нахмурил брови.

– Сначала бухгалтером, а потом старшим экономистом, – кивнул Платон.

– Вы были на хорошем счету, – то ли спросил, то ли подтвердил Птах.

– А это потому, что я никогда не задумывался о ведомстве, в котором работаю, – с готовностью объяснил Платон. – Я только когда уже уволился, часто представлял себе, вот, к примеру, уборщицы, повара в буфете, женщины в отделе кадров – скромненькие такие, простенькие, раскрывают свое удостоверение перед охраной или в транспорте – что они думают? Насколько они осознают значение аббревиатуры в этой красной книжечке?

Птаха, похоже, совершенно не волновали мысли подсобных служащих Конторы.

– Ваш брат умер насильственной смертью, что, учитывая его образ жизни и вид деятельности, вполне объяснимо. Все было бы вполне объяснимо, если бы не капсула с яйцами тропического богомола у него в теле. Вы должны нам помочь.

– Тут я вам вряд ли чем помогу, – задумался Платон. – Никогда, знаете ли, не интересовался ни тараканами, ни их родственниками.

– Зря, – заметил на это Птах. – Родственниками всегда нужно интересоваться. У вас ведь есть племянники.

– Двое, – осторожно ответил Платон.

– Вам пятьдесят шесть, ваш брат был младше на пять лет.

– Почему это – был? – Платона вдруг возмутил казенный тон, которым Птах говорил о его брате. – Он всегда младший, а теперь с каждым годом разница будет только увеличиваться.

– Конечно, конечно... – успокаивающе заметил старичок.

Они помолчали, осторожно изучая физиономии друг друга.

– Значит, – вздохнул Платон, – хиеродуля – это?..

– Ваш китайский родственник, – серьезно заметил Птах.

Платон хотел было ответить резко, но только надул щеки.

– Обиделись? – не унимался Птах. – Хиеродуля – это китайский богомол. Вообще, скажу вам, я сам только недавно узнал об этих великолепных насекомых. Они вызывают у меня чувство большого уважения. Потрясающая невозмутимость, расчетливость в движениях, что для постороннего глаза кажется просто медлительностью – вот завидное искусство владения телом! – и смертельная подверженность сексу.

– У насекомых нет секса, – неожиданно для себя заметил Платон и вынужден был продолжить, выдержав насмешливый взгляд старичка. – У них этот обряд вызван жизненной необходимостью продолжения рода. Да, иногда ради этой необходимости они идут на смерть. Я не сразу заснул. Я слышал о самках богомолов и чем объясняется подобная жажда смерти. Если не ошибаюсь, большой потребностью в белке, чтобы обеспечить хорошее потомство.

– Вы не дослушали самое интересное. Самец богомола продолжает спаривание, будучи почти съеденным. Да-да, у вас вывалился наушник, я видел, а ведь после поедания древесной лягушки шли совершенно потрясающие кадры спаривания богомолов, где процесс не прекратился, даже когда самец остался без головы – самка ее сожрала!

– Зачем вы все это мне рассказываете? – Платон не выдержал странного напряжения в голосе Птаха.

– Ваш брат умер во время полового акта. И если бы вы обладали хотя бы сотой долей невозмутимости и спокойствия богомолов и досмотрели все предложенные вам фотографии, вы бы и сами это обнаружили.

Платон Матвеевич медленно достал носовой платок и утер лицо. Странно, в этот момент он подумал о все еще мокром кончике галстука и сам себя поздравил за пристрастие к мелочам: в критические моменты жизни ему казалось, что посторонние обращают внимание на чистоту его обуви, состояние ногтей или стиль одежды, он отвлекался на всякую ерунду и тем самым «сохранял лицо».

– Отчего он умер? – спокойно уточнил Платон и указательным пальцем сдвинул на столе пачку фотографий, образовав из них полураскрытый веер. Вытащил предпоследнюю снизу.

– Ну, от чего умирает мужчина средних лет с половыми органами в состоянии эрекции. От сердечного приступа, конечно, – с готовностью ответил Птах.

Теперь Платон внимательно разглядел фотографию огромной кровати и Богуслава на ней. Голого, раскинувшего руки и ноги в стороны, с открытым ртом и застывшим взглядом вытаращенных глаз.

Он еще раз посмотрел на первые фотографии, вызвавшие у него приступ тошноты, и теперь понял: то, что он принял за огромную резаную рану на теле, было в несколько раз увеличенным изображением небольшого надреза у самой подмышки со стороны груди, и надрез этот кто-то сделал специально, очевидно, уже после смерти брата, чтобы вложить туда яйцо богомола.

– Оно... живое? – не сразу справился со словами Платон.

– Яйцо? – наклонился к нему Птах. – Понятия не имею. Если вас это интересует, могу спросить в лаборатории.

Тут же, словно это в данный момент было самым важным, Птах подвинул к себе телефон и набрал номер. Платону Матвеевичу стало не по себе, он уже и не рад был вопросу, понятия не имел, зачем спросил о яйце богомола, и подумал, что может быть всего два варианта: яйцо живое или – неживое, вот и все.

– Что вы говорите? – удивился Птах и, выслушивая какие-то объяснения, сделал из своего рта подобие куриной гузки – выпятил губы и сжал их, словно собираясь подуть.

Он сидел на столе у самого монитора, расставив ноги и беспечно болтая ими иногда. Платон покосился на запыленные и изрядно поношенные ботинки маленького размера. Потом на свои – огромные, дорогие, итальянские, сшитые на заказ три года назад, но надевавшиеся им только в исключительных случаях. Он задумался, почему сегодня надел выходные ботинки, и зачем ему рассказывают странные подробности смерти брата, которого он не видел... восемь? Девять лет.

– Вы не виделись с братом лет десять, так ведь? – словно подстерег его мысли Птах, опуская трубку на аппарат.

– Да... С некоторого времени я не поддерживал контакт с ним и ничего не знаю о его жизни.

– Так уж и ничего? – не поверил Птах. – Газеты небось читаете. И криминальные сводки по телевизору могли видеть.

– Девять лет назад меня вызвали в управление делами и дали подписать бумагу, по которой я должен был сообщать о каждом контакте со своим братом. С того самого момента мы и не общались.

– Скажите, какой благонадежный бухгалтер! – повысил голос Птах. – Бумагу он подписал! А мне думается, что вы перестали встречаться с братом совсем по другой причине.

– Мы говорили не о причинах нашего с ним отчуждения. Мы говорили о сроках, – мягко заметил Платон, обратив внимание, что от крика лицо Коли Птаха покраснело еще больше, а кончик носа побелел.

– Даже и не знаю, сможете ли вы узнать своих племянников за эти девять лет отчуждения, как вы изволили выразиться, Платон Матвеевич, – вдруг произнес Птах, поболтав ножками.

– Смогу, – пожал плечами Платон. – У меня есть их прошлогодние фотографии.

– И как вам эти сиротки? – не унимался Птах.

– Тогда они еще не были сиротами, – осторожно ответил Платон, – но в их прошлогодних лицах на фото интеллекта отслеживалось мало. Больше упорства в достижении цели.

– Да-да-да! – подхватил Птах. – Упорство с налетом умственной отсталости. Это вы правильно заметили – насчет интеллекта. Даже не знаю, как вы справитесь с такими упорными юношами.

– Что вы сказали? – напрягся Платон. – Это взрослые мальчики, то есть я хотел сказать – молодые мужчины. Если не ошибаюсь, они уже совершеннолетние! Пойдите... Ну да, старшему – двадцать, а младшему...

– Скажите, пожалуйста! – с удовольствием в голосе перебил его Птах. – А ведут себя, как дети малые и неразумные! Давеча – не поверите! – украли из турецкого зоопарка обезьяну. Напоили ее шампанским и посадили за руль автомобиля со всеми вытекающими последствиями.

– Какими... последствиями? – почти шепотом спросил Платон Матвеевич.

– Ну, какими... Дайте вспомнить. К примеру, облили мочой полицейского, который их остановил. В следственном изоляторе старшенький выдрал из пола кровать и стол. Ерунда, конечно, но назвать их взрослыми людьми я бы не решился.

– Это, наверное, младший сделал – Вениамин. Он раньше был больше ростом и сильнее, – уточнил Платон, засмотревшись на крошечную бородавку на сгибе большого пальца своей правой руки и мучительно обдумывая, насколько такая мелочь заметна сидящему на столе собеседнику. – Где они сейчас?

Коля Птах демонстративно устался на часы у себя на запястье.

– Скорей всего, – задумчиво сказал он после длинной паузы, – мутузят где-нибудь в гостинице при аэропорте своего адвоката. Он их сегодня должен был забрать из кутузки. Турецкие власти поставили перед ним весьма сложную задачу: обещали выпустить братьев только при условии, что после уплаты всех штрафов эта троица из изолятора сразу же отправится в аэропорт и покинет пределы Турции. И такая невезуха случилась – отмена рейсов до вечера. Небольшое землетрясение. Ничего опасного, но пока самолеты оттуда не летают. Теперь давайте прикинем. Даст бог, к ночи они будут в Москве, там их встретят соответствующие службы, поговорят по душам, то да се – вы увидите племянников не раньше завтрашнего утра.

– То есть, – Платон потер лоб и встал из кресла, устав отслеживать точки звезд, наплывающие из черноты на экран монитора, – я должен завтра быть в Москве? Это связано с похоронами Богуслава?

– Нет, конечно. О похоронах пока речи быть не может – следствие только начато. После нашей беседы ваши племянники с удовольствием приедут к вам пожить.

– Исключено! – мгновенноотреагировал Платон и, только после того как сказал это, почувствовал испуг внутри себя – спазмами в желудке.

– Не волнуйтесь так – это ненадолго. С жильем у вас, насколько я знаю, все в порядке. Квартира четырехкомнатная, загородный дом с отапливаемыми помещениями в сто квадратных метров. И это без площади оранжереи. Она, если не ошибаюсь, тоже отапливаемая? Кстати, вы интересовались оотекой, найденной в теле вашего брата. Так вот, она совершенно живая.

– Исключено, – веско повторил Платон, пропустив мимо ушей последние слова Птаха. – Я не потерплю посторонних там, где живу.

– Максимум – два месяца. Пока старшему не исполнится двадцать один год. Это ваш покойный брат так решил, – сообщил ему Птах.

– Богуслав хотел, чтобы его сыновья жили со мной? – не поверил Платон.

– Нет. По завещанию все имущественные дела вашего брата переходят под контроль его старшего сына по достижении им двадцати одного года. В случае же непредвиденной смерти старшего – к младшему, опять же – по достижении им двадцати одного года.

– Ничего не понимаю, – Платон несколько раз прошелся туда-сюда по комнате и у окна постарался незаметно откусить заусеницу, которую отковырял указательным пальцем у ногтя большого. – Он хотел, чтобы племянники жили со мной или не хотел?!

– На этот счет он сделал сыновьям устное предложение. Они сами должны решить, захотят ли жить с вами. Эта великолепная идея пришла в голову руководству нашего ведомства, когда оно узнало, что подразумевается под «имущественными делами» Омолова Богуслава. Если говорить простыми словами, ваш брат распоряжался определенной суммой денег, не совсем ему принадлежавшей. Он был казначеем. Вполне резонно предполагая, что после смерти такого авторитета раздел сфер влияния неминуем, наша Контора решила воспользоваться завещанием вашего брата и постараться за два месяца, оставшиеся до указанного возраста старшего сына Омолова, уладить некоторые проблемы с переделом, сведя при этом до минимума количество жертв и разрушений.

– Бред какой-то! – совершенно искренне заявил Платон. – Прошу меня извинить, я, конечно, даже проработав в вашем ведомстве много лет, никогда не смогу назвать себя специалистом в области службы безопасности, и вообще мало что в этом деле смыслю, но некоторые соображения насчет профессиональной подозрительности и маниакальности ваших работников имею. Скажу больше! У меня почему-то сложилось ощущение обособленности подобных структур от реальной жизни. Не удивлюсь, если процент раскрываемости особо тяжких преступлений находится в прямой зависимости от процента спровоцированных вами же опасных конфликтов. Надеюсь, вас не очень обижает мое мнение дилетанта?

– Ну что вы, – добродушно отмахнулся Птах.

– Благодарю. Вот, к примеру, взять моего брата. Он был известным спортсменом, а после травмы – тренером, директором каких-то комплексов, устройтелем соревнований – в общем, личность вполне известная, хотя и несколько скандальная в силу своего неуправляемого характера. Я могу допустить, что по роду коммерческой деятельности Богуслав вполне мог оказаться распорядителем некоторых фондов. И поэтому... – Платон задумался. Птах воспользовался паузой:

– И поэтому вы предполагаете, что наше ведомство, не добравшись законными путями до черного нала некоторых его фондов, сейчас устраивает небольшую шумиху с обысками в офисах, налетами бойцов спецподразделений на спортивные комплексы, распускает грязные слухи об известном борце, чтобы прибрать к рукам немалые деньги, так?

– Приблизительно так, – пожал плечами Платон. – Потому что трудно, знаете ли, представить бандитов, которые после смерти казначея будут дожидаться, пока его старшему сыну исполнится двадцать один год и он с банковскими счетами сядет с ними за стол переговоров.

– Естественно, они не станут этого дожидаться! – воскликнул Птах. – Даже вы это поняли!

– Не станут?..

– Конечно. Они постараются сделать так, чтобы сыновья Омолова не дожили до указанного возраста.

– То есть как? – опешил Платон. – Вы предлагаете мне жить с племянниками, зная, что они обречены? Это смешно! Не проще ли выделить им охрану, арестовать, в конце концов, и посадить в тюрьму для спасения их жизни?

– За что посадить? – заинтересовался Птах.

– Не знаю... За пьяную обезьяну, например.

– В тюрьмах есть свои заказчики и исполнители. Можно, конечно, попробовать выстроить для братьев Омоловых изолированный противотанковый бункер и замуровать их там, но проще все же поселить их к дяде. Ваша квартира и загородный дом будут оснащены новейшими системами наблюдений, кроме того...

– Исключено! – топнул ногой Платон и пососал палец, слизывая каплю крови, выступившую на месте оторванной заусеницы. Вкус крови усилил накотившее отчаяние.

– У вас нет выбора, – сочувственно кивнул Птах. – Никакого.

– То есть как это? – сразу успокоился Платон, обнаружив в этом непоследовательном кошмаре вполне реальную угрозу.

– Представьте себе на минуту, что я могу принудить вас сделать все, что потребуется, шантажом.

– Шантажом?

– К примеру, – кивнул Птах. – Простым надежным способом.

Платон подумал и постарался осторожно озвучить свои доводы против этого средства принуждения.

– Я одинок, – начал он. – Одинокого человека трудно шантажировать. Нет близких, которым он боится причинить боль.

– Любого человека можно подвести под статью и посадить в тюрьму. Даже при небольшом сроке заключения информация о том, по какой статье он туда попал, может совершенно изменить положение вещей и отношение его к жизни. Согласны, Платон Матвеевич?

Омоллов тяжело опустился на стул у двери.

– Нужно иметь веские доказательства, чтобы посадить человека, – тихо заметил он.

– Бросьте. Сами только что рассказывали, как мы преобразуем реальность себе на пользу. Я бы никогда не затронул подобную тему, не будь вы так настырны в своем противостоянии. Жаль.

– Вам – жаль? – Платон вскинул глаза на все еще сидящего на столе Птаха.

– Конечно. Я думал, мы договоримся по-дружески. Знаете что? Давайте вычеркнем из памяти последние десять минут нашего разговора. Я предложил вам поселить у себя на пару месяцев осиротевших племянников. Вам эта идея не очень понравилась, как и любому законченному холостяку, но, подумав, вы согласились. И завтра встретите их рейс из Москвы. Ладушки?

Платон молчал.

– А может, и этого времени не потребуется, – задумался Птах. – Может, за пару недель этих юношей отравят, задавят, или они сами свернут себе шею. Трудные, неуправляемые подростки!.. – он мечтательно закатил глаза. – Отделаетесь дополнительными похоронами, и все дела.

– То, что вы сказали, – отвратительно, – произнес Платон.

– Согласен, – кивнул Птах.

– Да не захотят они со мной жить! Взрослые мужики, богатые, самодовольные! Они с восьми лет кошек на деревьях вешали! Знаете, что им подарил брат на совершеннолетие старшего? По пистолету! И знаете, куда они с ними тут же пошли? В подвал – отстреливать крыс!

– А вот тут вы не правы. Они просто мечтают о встрече с вами. Сами увидите. Пошире расставьте ноги, чтобы не упасть, когда они от радости кинутся вам на шею.

Тщательно и неспешно одеваясь, словно исполняя ритуал, Платон старался не смотреть на себя в зеркало, но с галстуком не удержался – завис глазами на отражении золотой заколки в пальцах-сардельках и в который раз подивился огромности и удручающей несущности

разности своего тела. Оно занимало слишком много места, требовало постоянного ухода и было совершенно несообразно той нежной трепетности, с которой Платон постигал действительность. До сих пор жизнь продолжала его волновать и удивлять с той же настойчивостью, с какой подвергала в пятилетнем возрасте бессмысленным испытаниям на выживание, в двенадцатилетнем – стыду и лжи, в ранней молодости – обидам, а что такое зрелость, Платон не понимал до сих пор. Он по-прежнему боялся душой чужой нищеты, болезней привокзальных бродяжек, собачьей бездомности, а при виде мертвых тушек птиц или мелких животных на шоссе отводил глаза и бормотал про себя «...тьфу-тьфу-тьфу три раза, не моя зараза – ты будешь сто лет гнить, а я буду сто лет жить». Сразу же после такой скороговорки на Платона накатывала тоска от необходимости жить сто лет. Тоска в конце концов помогала ему преодолеть щемящее чувство боли за раздавленную колесами кошку или разбившуюся о лобовое стекло птицу – «...тоска смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской – как удачно, с точки зрения Платона, подметил Хайдеггер – приоткрывается сущее в целом». Платон уходил в безразличие с потаенной надеждой на тайну – сущее!.. в целом...

По дороге Платон целиком отдался подкравшейся тоске, а поскольку всегда водил машину очень осторожно – не больше семидесяти в час – и старался избежать любых, даже заманчиво азартных ситуаций на дороге, то даже погрузившись в состояние легкой дремоты и уныния, он доехал до аэропорта без проблем и приключений. Естественно, он приехал слишком рано. Оглядевшись, Платон поднялся по лестнице наверх в кафе, принялся, отметив неплохой аромат кофе. Заказал двойной, потом подумал и перестраховался: купил еще два шарика мороженого и осторожно утопил их в горячей коричневой жидкости с пенным налетом. Попробовал и благодарственно кивнул через столик буфетчице, наблюдавшей за его действиями из-за стойки с напряженным вниманием. Можно было и не добавлять мороженого – кофе отменный. Покончив с первой чашкой, Платон заказал вторую – уже без мороженого, потом спустился вниз, наслаждаясь послевкусием во рту – никогда не понимал людей, которые после любой, даже изысканной трапезы первым делом бегут полоскать рот или травить вкусовые сосочки жевательной резинкой, – вышел из стеклянных дверей наружу и огляделся. Июль почти не чувствовался, небо имело столь любимый Платоном оттенок холодной морской воды – серое, с просинью, подсвечивающейся внезапными сполохами пробившегося солнца. Было прохладно, небольшой беспокойный ветерок то и дело менял направление и запах – от скошенных газонов на Платона пахнуло духом скошенной травы, а потом – сразу же – сладковатым запахом дорогих духов от женщины неподалеку.

– Рейс из Москвы задерживают, – негромко сказала женщина, не поворачивая головы.

Платон огляделся и не нашел никого поблизости, кто бы мог отреагировать на ее слова.

– На двадцать минут, – добавила она, покосившись в его сторону.

– Неужели?.. – растерялся Платон и шагнул в ее сторону.

– Здесь в кафе наверху варят неплохой кофе, – спокойно продолжила она беседу, опять уставившись в пространство перед собой.

– Неужели? – опять сказал Платон и тут же спохватился: – Ах да, я там был, хороший кофе.

– Во рту остается привкус табачной крошки, – невозмутимо отметила женщина.

Вблизи она оказалась старше, чем выглядела на расстоянии.

– Как вы узнали, что я жду самолет из Москвы? – спросил Платон, отметив странный цвет ее глаз – черные, с вишневым отливом, такие он видел только у лошадей.

– Это просто, – усмехнулась она. – Вы вошли в зал, осмотрели табло прибытия, потом взглянули на часы и пошли наверх в кафе.

– Да, но...

– Возьмете меня к себе домработницей? – перебила его женщина.

Странно, но Платон совершенно не удивился – то ли тоска еще не отпустила, то ли он отравился безразличием вчера в кабинете Коли Птаха.

– У вас теперь хлопот прибавится, – продолжала незнакомка, шагнув к Платону ближе, – считай – два взрослых мужика, им и приготовить надо, и убраться после них. Я много не запрошу, сговоримся.

– Сговоримся... – повторил Платон, потом очнулся и легонько стукнул себя ладонью по лбу. – Извините, я сразу не сообразил – вы из Конторы? Вас прислали по работе, да?

– Я сама по себе, – ответила странная дама. – А вы что, хотели из фирмы помощницу по дому заказать? Вот видите, как удачно вышло.

– Не понял, я должен еще и вас поселить к себе вместе с племянниками? Мне об этом ничего не говорили, извините...

– Мне есть где жить. Буду приходящей домработницей. Вы меня не помните? – женщина подошла еще ближе, запах духов стал нестерпимым.

– Э-э-э... Простите, я ничего не понимаю. Почему я должен вас помнить?

– Ну и не надо, – отстранилась она. – Зовите меня Аврора. Думаете, мальчики приедут с багажом?

– Понятия не имею, – Платон отступил от нее в сторону.

– Уже пора, – заметила женщина и кивнула на двери. – Вы идите один, а я вас у машины подожду. Представьте меня мальчикам, как домработницу.

– Черт знает что такое!.. – прошептал Платон, шагнул к распахнувшимся дверям и столкнулся с высоким худым мужчиной, тут же ухватившим его за плечи.

– Простите, я...

– Где вы ходите? Самолет давно прибыл, вас уже ждут!

Платон вскинул глаза, но лица говорившего разглядеть не смог – только выступающий острый подбородок: став на цыпочки и задрав вверх голову, человек хищно осматривал зал.

– Отпустите меня, – Платон повел плечами.

– С кем вы вступили в контакт?

– Куда я вступил?.. – освободив плечи, Платон быстро развернулся и постарался уйти, но был схвачен сзади за пиджак.

– Не туда, – сквозь зубы процедил странный мужчина. – Направо. И побыстрее, а то они уйдут ловить такси.

Платон посмотрел в указанном направлении.

У киоска с сигаретами стояли два весьма упитанных молодых человека. В ярких майках, легких шортах ниже колен и в чудовищно огромных одинаковых кроссовках они выглядели почти комично, если бы не устрашающие бицепсы на руках. Тот, что пониже, был в мотоциклетном шлеме. А младший – Платон узнал Веню по цвету волос – имел в рыжих кудрях крошечную клоунскую остроугольную шапочку, подвязанную под подбородком резинкой.

– Анкл бэнц! – заорал Веня и ткнул брата локтем.

Подхватив с пола увесистые рюкзаки, они побежали к Платону, сметая попавшихся на пути людей.

– Анкл-анкл-анкл-бэнц! – продолжал кричать рыжий Вениамин, бегая вокруг Платона. Старший Федор сдернул шлем, обнаружив под ним короткий ежик черных волос, схватил Платона за лацкан пиджака и стал просить его постоять спокойно три секунды.

– Три секунды! – кричал он, хотя Платон застыл на месте как окаменелый. – Один момент! – Свободной рукой Федор судорожно рылся в кармане широких шорт и наконец выудил небольшую темную бутылку.

Сорвав зубами пробку, Федя заткнул горлышко большим пальцем и, изобразив на лице зловеще-радостную ухмылку, взболтал содержимое, после чего облил пенной струей Платона с головы до парадно-выходных ботинок.

Судорожно всхлипнув, когда пена ударила в лицо, Платон закрылся руками, но с места не сдвинулся. Кое-как утеревшись, он осторожно открыл глаза и обнаружил братьев, радостно скачущих вокруг него с тем же идиотским припевом: «Анкл-бэнц! Анкл-бэнц! Анкл-анкл-бэнц!»

Ухватив того, который оказался ближе, Платон спросил:

– Что это?..

– Это кола! – радостно заорал Вениамин. – Мы тебя побратали! Давай клешню!

Вцепившись в ладонь Платона, Веня вдруг выпятил грудь и изо всей силы дернул дядюшку за руку на себя. Потом Федя повторил этот же ритуал, но уже более осторожно – учитывая особенности фигуры Платона – он врезался в племянников не грудь в грудь, как полагалось при братании, а весьма обширным животом.

– Минуточку, стойте же. Мальчики! – повысил голос Платон, освободил ладонь и потряс ее, восстанавливая кровообращение. – Давайте пойдем в машину и поговорим. Раз-реши, – он взял из руки Феи полупустую бутылку и рассмотрел ее. Действительно, кока-кола. Интересно, готовы ли к ее пятнам современные химчистки?..

– Анкл, мы тебе еще подарок везли, – от души сообщил Федя.

– Цветок в горшке. Канабис. Молоденький совсем, – уточнил Веня.

– Его пограничники отобрали в аэропорту, – погрузился Федя.

– Козлы! – закончил Веня.

– Шлем!! – вдруг заорал что есть мочи Федор и бросился назад. Подобрал с пола забытый шлем и бегом вернулся.

Платон осторожно попытался разогнуть ноги в коленях. Он почему-то слегка присел от крика племянника.

– Анкл, ты здорово выглядишь! – Федя стукнул Платона по спине пятерней.

И колени разогнулись сами собой.

У автостоянки братья заспорили, кто поведет. Платон слушал их с ужасом.

– Машину буду вести я, – как можно тверже сказал он.

– Брось, анкл, мы уже три дня не крутили баранку, – отмахнулся Федя.

– Но ты можешь сидеть на переднем сиденье, – великодушно разрешил Веня. – Где твой катафалк?

Платон поднял руку, чтобы показать где, и застыл в ленинской позе, так любимой скульпторами.

У его джила, прислонившись ягодицами к багажнику, курила женщина. Та самая.

– Эта кошелка с тобой? – спросил Федя.

Платон опустил руку. Он совершенно забыл о незнакомке. Более того, в душе Платон надеялся, что ему просто-напросто попалась подгулявшая сумасшедшая, из тех странных женщин, что носят на вечерних платьях лисьи шкурки с засушенными головами и лапами и обливаются духами, выходя в булочную. Иногда такие дамы появлялись в его жизни бесполыми призраками унылого бомонда, оставляя после себя желание напиться. Но, бог мой, она безошибочно определила его машину!

Тут Платон вспомнил вчерашний день, разговор в кабинете Птаха и посмотрел на братьев. Вероятно, в его взгляде выразилось отчаяние.

– Только не говори, что это твоя старуха, – подозрительно прищурившись, покачал головой Веня.

– Старуха?..

– Жена, в смысле, – уточнил Федя.

– Нет, конечно, я не женат, эта женщина... – начал объяснять Платон, но от дружеского шлепка ладонью по спине поперхнулся.

– А со всеми остальными сосками мы работаем, как?... – радостно спросил стукнувший его Федя.

– По Фрейду! – еще радостней заорал Веня и показал, как именно – конвульсивно двигая тазом вперед-назад, а руками делая энергичные движения на себя – от себя.

Аврора тем временем бросила окурки и растерла его острым носком изящной туфли.

За руль сел, естественно, Федор.

Пока Платон в нерешительности топтался у передней дверцы, собирая в себе мужество для твердого «нет», Веня, устроившись сзади, крикнул Авроре:

– Кошелка, анкл сядет впереди, так что запрыгивай ко мне!

Платон открыл заднюю дверцу, подождал, пока женщина втащит за собой длинные ноги, после чего ему не оставалось ничего другого, как сесть рядом с Федей на переднее сиденье.

Шофером, кстати, тот оказался неплохим. При ужасающем превышении скорости – до ста десяти! – машина слушалась его беспрекословно.

После второго лихого разворота Аврора сзади завалилась на Веню, а Платон судорожно стал тянуть ремень безопасности, чтобы закрепиться. Пока он возился с застежкой, Аврора вдруг спокойно заметила:

– Не подсекайте эту «Ниву». Проблемы будут.

– Да-да! – Платон наконец справился с застежкой. – Никого тут на дороге не подсекайте, можем влипнуть в неприятную ситуацию.

– Анкл разберется! – воинственно прорычал Федя. Но после того как сзади затих скрежет тормозов чудом избежавшей «поцелуя» «Нивы», внимательно посмотрел в зеркальце на Аврору и спросил:

– Ну и где проблемы?

– Что это значит – анкл разберется? – перевел дух Платон.

– Там сидят пятеро мужчин крупного телосложения с одинаковыми стрижками, – спокойно заметила Аврора. – Неужели не ясно, какие могут быть проблемы?

– Не курите в моей машине! – завокнулся Платон, заметив краем глаза, что женщина достала пачку сигарет.

– Эта тачка вяжется за нами из аэропорта. – Веня вытащил изо рта женщины, никак не отреагировавшей на слова Платона, сигарету и бросил ее в окно. – Анкл, если это твои люди, предупреждать надо, – назидательно произнес он, отправляя в открытое окно и пачку.

– Мои люди? – растерялся Платон, заметив, что Аврора уставилась перед собой застывшим взглядом и щелкает зажигалкой перед лицом. – Что значит «мои люди»?

– Охрана или слежка, – объяснил Веня, с силой выхватив из руки Авроры зажигалку и отправив ее за пачкой сигарет.

Не изменившись в лице и все так же тарашась перед собой, Аврора нащупала левой рукой шлем и запустила его мимо Вени в то же окно. Платон отстраненно – вероятно, мозг не успел отреагировать – смотрел, как ярко-красный шлем со скоростью снаряда врежется в переднее стекло идущей сзади на изрядном расстоянии «Нивы».

– Шлем! – только и смог он промолвить, с трудом удерживаясь, чтобы не захихикать самым идиотским образом.

– Что – шлем? – покосился назад Федя.

– Эта кошелка выбросила твой шлем в окно, – махнул рукой Веня, показывая куда.

Потом Платон вспомнил, что после этих слов он зачем-то стал считать секунды.

«Раз-два-три...» На третьей Федя осознал ситуацию и нажал на тормоза. А Платон увидел перед собой на дороге метнувшегося зверька и закричал что есть силы. Ремень безопас-

ности сдавил его живот и грудь. Только было Платон с облегчением отметил, что не достал головой до лобового стекла, как вдруг машина с силой дернулась вперед, ремень вырвало из гнезда. «Достал!..» – подумал Платон, на несколько секунд теряя сознание.

Он открыл глаза, осмотрелся. Кроме него в джипе никого не было – на дороге стояли братья Омоловы и Аврора, разглядывая что-то на асфальте. Рядом с ними Платон увидел двоих незнакомых мужчин. Он вышел, покачиваясь, и понял, что эти двое из той самой «Нивы», в которую сначала попал шлем, а потом и сам автомобиль врезался сзади в резко затормозивший джип.

Все пятеро стояли молча. Платон подошел. Это была кошка. Крупная, с красным лакированным ошейником на шее. Зад был раздроблен, она не могла встать, но что больше всего поразило Платона – зверек не кричал от боли, а шипел, оскалившись и скребя асфальт передними лапами.

– Тьфу-тьфу-тьфу три раза, не моя зараза!.. – забормотал Платон. – Ты будешь сто лет гнить, а я буду сто лет жить.

Все посмотрели на него, и Платон вдруг подумал, что кошка-то не мертвая.

– Подыхает, – вздохнул Веня.

– Ага! Она может так подыхать еще полдня. Кошки живучие, – не согласился Федор. – Вон какая откормленная. Небось вывели погулять из крутой тачки, она и потерялась.

Аврора открыла сумочку и достала газету. Развернула ее, наклонившись над зверьком.

– Что это ты надумала? – Федя выставил между нею и кошкой ногу в кроссовке.

– Нужно ее отнести в траву. Пусть умирает под деревом, – тихо сказала женщина, не поднимая головы.

– Ой-ой-ой! Какое сострадание! – злобно заметил Федя. – И укольчик обезболивающий сделать, да? А ну-ка отойди, чучело! – Он бесцеремонно потеснил Аврору и вдруг достал из-под футболки небольшой пистолет. – Тут такое дело, анкл, – повернулся Федя к Платону. – Не усмотрел вот, раздавил животинку. Сделай одолжение, а?

– Что?.. – ноги Платона опять предательски подогнулись в коленях.

– Ну, чтобы, значит, прекратить мучения. Живое все-таки, – объяснил Федя, протягивая пистолет Платону.

– Это вы, пожалуйста, без меня, – Платон попятился, выставив перед собой ладони. – Кошки – это по вашей части!..

– Анкл, пойми, – выступил вперед Веня. – Мы тоже этих тварей лицемерных не терпим, но садистами никогда не были. Ты все-таки специалист. А мы с Федькой, самое лучшее, из десяти выстрелов по три шестерки можем выбить. Анкл, сделай все аккуратно, чтобы, значит, без мозгов, и машину не испачкать, – по-деловому закончил Веня.

– Не, ну я, конечно, могу попасть в ухо, если ствол туда суну, – задумчиво заметил Федор. – А с расстояния, навряд ли...

– Да что вы себе позволяете! – Платон, ища поддержки, посмотрел на мужчин из изрядно покореженной спереди «Нивы», но те настороженно отступили назад. – Я не могу убить кошку! Я вообще...

– Да мы понимаем! – стукнул себя в грудь Веня. – Специалист твоего класса не станет поганиться такой пакостью, как кошка! Что же теперь, пусть ее твоя кошелка завернет в газетку и отнесет в травку? А ну как она не подохнет до ночи, вылезет опять на шоссе, поползет, воя, на огни?

– Замолчи! – крикнул Платон, закрывая ладонями уши. – Что-то надо делать, что-то надо делать...

– Да делов-то всего – взять ствол и с одного выстрела аккуратно избавить ее от мучений.

– И вы хотите, чтобы это сделал именно я? – никак не мог осмыслить происходящее Платон.

– Ну ты же специалист, а Федька – он обязательно забрызгает мозгами все вокруг, он в прошлом месяце с трех выстрелов так и не смог попасть вот в такую башку одного черномазого...

– Да потому что у него волосы торчали шаром на полметра от черепушки!

– Стоп! – крикнул Платон и вдруг почувствовал в своей руке холод металла.

– Анкл, – понизил голос Федя, засовывая ему в руку пистолет, – поторопился бы, а то братки, которые в нас из-за шлема саданулись сзади, достанут стволы и начнут подсчитывать ущерб. А как ни крути – я виноват: затормозил резко. Пальни – и линияем.

– А куда... Куда тут надо нажимать?.. – Платон поднял руку и удивился тяжести пистолета.

Братья захохотали, толкая друг друга локтями.

– Ну, анкл, ты даешь! – заметил Федя, после чего последовал уже знакомый по мощи и направленности шлепок ладонью по спине Платона.

Покачнувшись, Платон наткнулся на странный взгляд Авроры. Она смотрела на него, как на противное насекомое – с любопытством и отвращением. Эти взгляды Платону были хорошо знакомы. Так могут смотреть только отвергнутые женщины, вдруг обнаружившие в галантном, щедром и милом кандидате в любовники отвратительнейшее сексуальное отклонение.

Платон уже давно старался вести себя с женщинами отстраненно, чтобы не наткнуться потом на подобные взгляды, потому что знал – любая из них, даже та, что просто спрашивает на улице, как пройти в нужное место, через несколько секунд начинает оценивать внешность и живущую в глазах энергетику попавшегося ей прохожего с гормональным пристрастием. Он до сих пор не научился хамить и отмахиваться от них, до сих пор с галантной учтивостью протягивал носовой платок, деньги и руку помощи в ответ на жалобные просьбы об участии. Но *эта* женщина не имела права так смотреть! Он даже еще не согласился взять ее в домработницы! А что касается ведомства, в котором она работает, так этот факт может вызывать только сочувствие, но никак не вседозволенность оценки!

Покосившись на продолжающую скалить клыки кошку, Платон вытянул руку, зацепил указательным пальцем выступавшую изогнутую железку и, крепко зажмурившись, нажал на нее.

После неожиданно громкого выстрела последовало несколько секунд молчания, Платон открыл глаза, а братья стукнули друг друга кулаками в плечо.

– Да-а-а... – протянул Федор. – Что тут скажешь!..

– Сказать тут нечего! – поддержал его Веня.

Опомнившийся от сильного толчка в руку Платон с удивлением покрутил запястьем, осторожно глянул на кошку. Та замерла, уронив голову, но рта не закрыла. Он обшарил быстрым взглядом всю ее несчастную тушку, но не нашел никаких следов выстрела.

– Ребята, я же вам говорил...

– Специалист! – Федя ударом ладони в спину прекратил его попытки объясниться.

– А ты заметил, что он глянул только мельком и потом закрыл глаза! – с выражением восторга на лице Веня склонился к кошке.

– С закрытыми глазами – попасть точно в глаз! – повысил голос Федя, посмотрев на отступающих к «Ниве» мужчин.

– Аккуратно сработано! – выпрямился Веня и вытащил из ладони Платона пистолет.

– Кто попал в глаз? Я попал в глаз? Этого не может быть, я никогда в жизни...

– Федька тоже никогда раньше в негров не стрелял, – кивнул Веня, отдавая брату пистолет. – А припекло – и облажался! Учись, брат!

– А можно теперь отнести кошку в траву? – вдруг спросила Аврора, все еще комкая в руках развернутую газету.

– Вот за что я уважаю кошелок! – заметил Федя. – Обязательно ведь настоят на своем!

Аврора попыталась поднять мертвого зверька, но у нее это не получилось – газета порвалась. Платон, как в бреду, пошел открыть багажник, чтобы взять там пакет или мешок для мусора, и почти минуту стоял и тупо разглядывал изуродованный зад своей машины. Потом он обернулся и не обнаружил разбитой «Нивы». Не успев удивиться, куда подевалась машина и почему ее хозяева уехали, не дождавшись милиции, он был подхвачен под мышки братьями и почти силой засунут на переднее сиденье.

– Сматываться надо, – уверил Платона Федя. – Сейчас постовые придут, наверняка ведь какой-нибудь гад уже позвонил.

Платон смотрел, как Веня подошел к Авроре, достал носовой платок и взял через него кошку за ноги. Женщина дернулась и прижала руки с испачканной газетой к груди, когда Веня, размахнувшись, закинул тушку животного вместе с платком в траву у дороги. Потом он вырвал у Авроры из рук газету, отбросил ее и стал что-то тихо втолковывать, размахивая перед ее лицом руками, а она настороженно следила за его движениями и кивала. Потом Веня показал куда-то рукой, Аврора еще раз кивнула и пошла в указанном направлении.

Открыв дверцу, Платон посмотрел вниз. После кошки осталось довольно большое темное пятно, но что совершенно выбило его из колеи – в одном месте асфальт имел странную выбоину с блестящим внутри нее кусочком металла, и выбоина эта была залита свежей кровью.

– Насквозь! – кивнул Федя, протянув мимо него руку и захлопывая дверцу.

Сзади хлопнул дверцей Веня.

– Поехали!

Платон отметил, как осторожно Федор старался завести машину. Она тронулась с места и, подергиваясь, набирала скорость. Что-то было не так, что-то мучительно неуловимое, словно забытое в пылу беседы нужное слово. Вдруг Платон вздрогнул.

– А женщина? – оглянулся он назад. – Где Аврора?

– Я ее послал шлем искать, – невозмутимо заметил Веня. – А что? Сама выбросила – пусть сама и ищет. Я сказал – пока не найдет, чтобы домой не приходила.

– Куда – домой?.. – машинально спросил Платон.

– Да куда хочет! Без шлема, короче, пусть тебе на глаза не показывается.

– Мне?.. – прошептал Платон и подумал, что Аврора ведь не знает, где он живет. Потом он сам себе грустно усмехнулся – она же наверняка из Конторы и все про него знает, вон как смотрела! Потом он откинул голову назад и зажмурился, чтобы забыть зловещий вишневым отлив ее глаз, да так и заснул, сильно утомленный всеми навалившимися на него невероятными событиями – такая здоровая реакция организма на неприятные неожиданности спасла психику Платона с раннего детства.

Его растолкали на Литейном.

– Ну вот, не туда заехали, – пробормотал Платон, радуясь, что отключился полностью хотя бы на полчаса. – И никто не остановил по дороге? – пришел он в себя окончательно.

– Почему не остановил, остановил, – пожал плечами Федя. – Гаишник молоденький. Я ему объяснил по-быстрому, кого везу, он и отвалился.

– А кого ты везешь? – Платон показал рукой, где нужно повернуть.

– Кукарачу! – удивленно повысил голос Федя. – Я сказал – напряги мозги, просканируй фейс сидящего рядом со мной человека! Это же Кукарача! Он просканировал и отвалился.

– Он не потому отвалился, – объяснил Веня. – Он упал, потому что Федька рванул с места и саданул левой фарой по его мотоциклу.

– Господи! – ужаснулся Платон.

– Да ладно тебе, анкл. У нас зад в смятку, а ты из-за какой-то фары лопушишься! – укоризненно посмотрел Федя.

– Он жив? Милиционер этот? – слабея, поинтересовался Платон.

– Не то слово! – радостно уверил его Федор.

– Да, он в порядке, – подтвердил Вениамин. – Он выбрался из упавшего мотоцикла, бежал за нами и палил в воздух из пистолета. Он в полном порядке.

– Здесь два раза направо, – Платон нашел в себе силы поднять руку. – Перестраивайся в левый ряд.

– Где у тебя нора по металлу? – спросил Веня на светофоре. – Мы туда едем?

– Нора? По металлу?

– Куда ты тачки паленые или битые скидываешь? – объяснил Федор.

– Никуда не скидываю, у меня еще не было битых тачек, и никто их не поджигал.

– Специалист, – Веня толкнул брата в плечо.

– Высший класс! – правым кулаком Федор передал толчок Платону.

Платон с ужасом подумал, что братья правы. Не тащить же разбитую машину во двор к подъезду! Он достал телефон. С тяжелым сердцем нажал кнопку пять. Вчера именно на эту цифру ему поместили экстренный номер для связи. Услыхав «Бухгалтерия слушает», Платон попросил Колю.

– У телефона.

– Я застрелил кошку, – вдруг сказал Платон, хотя собирался спокойным голосом спросить «Куда скинуть битую тачку?»

– Поздравляю, – равнодушно заметил Коля Птах.

Его равнодушие слегка обидело Платона, и он не стал уточнять, что с закрытыми глазами умудрился попасть кошке в глаз.

– Машина разбита, – заметил он уже с раздражением.

– Бросьте ее.

– Где?

– Да где сейчас стоите. Хоть на светофоре. Только побыстрее. Мы уже не успеваем отработать дорожный патруль.

– А как же?..

– Перейдите на ту сторону улицы, третья припаркованная от столба – будет ваша. Красный «Москвич». Ключи в зажигании. Оставьте во дворе, вечером созвонимся.

– Что? – спросил Федя, когда Платон убрал телефон.

– Подъезжай к обочине и остановись. Выходим. По-быстрому, – пробормотал Платон, стараясь не выдать свою растерянность голосом.

– Говорил же тебе, что гаишника нельзя трогать! – посетовал Вениамин. – Теперь у анкла неприятности!

Они перешли улицу. Платон огляделся. Третья от столба – это, конечно, конкретное место, но на углу машины были припаркованы с двух сторон от столба. И, как назло, с одной стороны – «Москвич», и с другой стороны – тоже.

– И что характерно – оба красные, – пробормотал Платон вслух.

– Ну прости, анкл, – от души попросил Федя.

Подумав, Платон двинулся направо, осмотрел салон «Москвича» – третьего от столба. Ключей в зажигании не было, на заднем сиденье вповалку лежали рюкзаки.

– Не тот, – резко развернулся он.

Братья послушно шли за ним гуськом.

Когда Платон открыл дверцу, сел за руль и завел еще теплый двигатель, Федя, оглядевшись, склонился и сообщил:

– В «мерсе» слева тоже ключи забыли.

– Садитесь быстрее!

– Слушайся анкла, – Веня толкнул брата в салон. – Погоришь на дорогих тачках. Они же все с антиугоном!

Оказавшись в знакомом дворе, Платон перевел дух и только тогда понял, что дорога от аэропорта его совсем доконала. Он собирался, неспешно передвигаясь, в пути объяснить братьям правила проживания в его доме. Теперь все слова начисто вылетели из головы. Платон прислушался к пульсации крови в ушах. Выключил мотор. Набрал воздуха, чтобы начать разъяснительную беседу, потом надул щеки и медленно выпустил воздух из легких.

– За кого вы меня принимаете? – спросил он вместо задуманного: «Мальчики, я живу холостяком, имею устоявшиеся привычки и странности, постарайтесь не тревожить меня излишним любопытством и выполнять определенные требования по перемещению по квартире».

– Анкл, мы тебя уважаем, – ответил Веня за двоих.

– Тогда постарайтесь изо всех сил и не прикасайтесь к вещам, которые трогать нельзя, – это у него сложилось само собой, вместо: «Некоторые предметы в квартире имеют для меня большую ценность, я прошу не брать их без разрешения. Особенно книги. Это исторические раритеты». Понятно? – спросил Платон, заиклившись про себя на слове «раритеты» и радуясь, что не произнес этого вслух. Потом пришлось бы понятным для братьев языком объяснить, что оно означает.

– Чего тут непонятного, – пожал плечами Федор. – Покажешь сразу, где у тебя растяжки стоят, и все дела.

– Я рад, что вы меня поняли, – кивнул Платон, соображая – спросить или не надо, что такое растяжки? Решил не сбивать беседу и продолжил: – Не трогайте дорогие мне растяжки, и все будет в порядке. Теперь по площади. Вам выделена самая большая комната, кухня – само собой – тоже в пределах допустимого передвижения, еще места общего пользования, естественно. В мою спальню можно заходить, но не более того. Все, что стоит за стеклом, трогать нельзя, в обуви ложиться в кровать запрещено, курить... Вы курите?

– Нет, – покачал головой Федя. – Мы себе не враги. Так, иногда сделаем в хорошей компании пару затяжек.

– И прекрасно. Пару затяжек делать в моей спальне тоже нельзя. Что осталось? Библиотека, но книги, я думаю, для вас пока тема не актуальная. Еще есть одна запертая комната – мой кабинет. Я вам его покажу, но входить в него потом будет запрещено.

– Анкл, ничего не выйдет, – покачал опущенной головой Федор.

Платон посмотрел на них обоих в зеркальце. Братья сидели на заднем сиденье плечом к плечу.

– Почему не выйдет? – спросил Платон, слегка похолодев.

Его выстроенная крепость, его уютная норка, прекрасный музей и неприкасаемая коллекция вин! Венецианское стекло, фарфоровые статуэтки восемнадцатого века, ковры и бронза! А трубки?! Платон даже застонал от ужаса.

– Понимаешь, анкл, не можем мы жить с Федькой в одной комнате, – объяснил Веня. – Федька на ночь обязательно кого-нибудь приводит, а если не находит подходящую кошелку, то дрожит по полчаса. Громко! – уточнил Вениамин и, подумав, добавил: – Жениться ему надо.

– Ну так!.. – пожал плечами Федор.

– А ты?.. – Платон не смог быстро подобрать слова, но Веня его понял и с готовностью разъяснил:

– А я книжку читаю.

– Ага, – подтвердил Федя. – Уже год, как читает на ночь книжку. Прочитал больше половины. Импотент!

– Какую же ты книгу читаешь? – опешил Платон.

– Первую, – ответил Веня. – Первую книжку Гарри Поттера. Это, короче, про одного пацана, который...

– Я поселю тебя в библиотеке, – с облегчением выдохнул Платон, кое-как совладав с улыбкой.

Успокоенный и даже слегка повеселевший, он открыл замки своей квартиры и нажал в коридоре на пульте шифр сигнализации.

– Ни хрена себе! Ты что, музей ограбил? – с порога оценили обстановку братья.

– Располагайтесь, – сразу погрузился Платон.

Обойдя квартиру, братья внимательно все рассмотрели, выслушивая наставления дядюшки. Веня сдвигал все картины по очереди и заглядывал за них, а потом поинтересовался:

– А где сейф? Где ты прячешь оружие?

А Федор, осмотрев запретный «кабинет», уважительно присвистнул и попросил:

– Можно Веньку оставить в большой комнате книжку на ночь читать, а меня сюда поместить для траханья?

Платон вздрогнул и осмотрел квадратное помещение, задрапированное гобеленами, со статуэткой работы Челлини и мальтийской Венерой на антикварном столике, застеленном древней иранской шалью, ниспадающей до пола. С китайскими гравюрами по шелку – совокупляющиеся любовники, с курительницей в углу, как раз под резной деревянной вязью на стене в три квадратных метра: все пары Ноева ковчега в виде причудливо переплетающихся фигурок людей и зверей в экстазе продолжения жизни. Тяжелые шторы со свисающими кистями плотно закрывали окно, подсветка шла из углов комнаты – от бронзовых напольных светильников с еле тлеющими красными огоньками в чеканных цветах. Одна пара штор закрывала окно, а другая – зеркало во всю стену, если раздвинуть сразу все портьеры, комната начинала светиться двумя окнами – настоящим и его отражением. Пол был завален подушками разных размеров. Из мебели ничего не было, кроме китайской ширмы, столика, застеленного тончайшей шалью с вышитыми фигурками ярких птиц, и лежанки рядом с древней курительницей.

Платон вдохнул полной грудью – только здесь был установлен новейший кондиционер с очистителем воздуха, и подожженная палочка сандалового дерева окутывала дымком комнату и мягкие предметы в ней только на время своего тления. В комнате не было старых устоявшихся запахов, ощущение чистоты и свежести не дополняли своим привкусом древности даже персидские ковры на полу.

– Нельзя, – сказал Платон твердо и легко произнес слова, в любое другое время поколебавшие бы его: – Это моя личная комната для траханья.

Решили сесть за стол и поговорить. Устроились в большой комнате, Платон принес на подносе сок и фрукты. Братья съели по персику, выстрелили друг в дружку косточками, после чего достали ядовито-красные резинки и синхронно их зажевали.

Платон не знал, с чего начать беседу с племянниками. Он посмотрел на Федора, на его мощно движущиеся челюсти, отсутствующий взгляд. Потом – на Вениамина.

Пока Платон подбирал слова, Федор шлепнул по столу ладонью.

– Короче, анкл. Отец отбросил копыта, но не нам его судить. А на тебя у нас большие планы.

– Копыта?.. Как это – судить? Какие еще планы? – забормотал Платон.

– Отец обещал передать всю номенклатуру Федьке из рук в руки. Посвятить, так сказать, в дела. Обещал? Обещал. Выполнил? Фиг! – с обидой в голосе объяснил Веня. – Убил его Пончик, что тут непонятного? Ты по своим делам должен знать этого Пончика.

– Да-а-а?... – протянул Платон. – А мне сказали, что сердечный приступ...

– Они скажут, – кивнул Веня. – Они и не то скажут. У отца с сердцем все было в порядке. Никогда не жаловался. А на Пончика жаловался!

– Считай, по два раза в месяц жаловался, – подтвердил Федор. – Там, короче, такая бодяга была. Пончик не захотел по договоренности поделить гостиницы, отец прижал его, а тот рванул за границу.

– Вот и ладно, – с облегчением вздохнул Платон. – Давайте поговорим о наших с вами планах.

– А мы тебе о чем толкуем?! – повысил голос Федя. – Ты должен завалить Пончика, потому что он жизни нам все равно не даст. Убьет то есть. Тут дело времени. Кто кого успеет первым.

– Минуточку, – выставил перед собой ладони Платон. – Никого я не собираюсь валить, и раз уж вы заговорили о криминальных связях вашего отца, то это разговор отдельный.

– Брось, анкл. Ты что, надеешься с ним договориться? Если отцу не удалось, то тебе и подавно, – отмахнулся Веня. – Мы уже все подготовили. Позвонили, кому следует. Ночью вылетаем.

– Как это?... – Платон отвалился на спинку стула. – Куда вылетаем?

– В Ялту, – ответил Федор. – Надеюсь, бумаги у тебя в порядке?

– Бумаги?... – Платон почему-то вдруг подумал, что не написал завещания. Как-то раньше ему это не приходило в голову.

– Паспорт, визы всякие? – уточнил Федор.

– А... нет. Нет, не в порядке. У меня загранпаспорт просрочен, а вы сказали, что этот Пряник...

– Пончик.

– Ну да, Пончик, что он за границей, так что давайте пока отложим его замачивание.

– Мы полетим в Ялту, это недалеко, – успокоил Платона Вениамин. – Он с охраной там окопался в гостинице.

Платон встал, походил по комнате, уговаривая себя перестать паниковать и собраться с мыслями. Кое-как ему удалось составить начало речи.

– Федор. Вениамин. Мы не виделись с вами почти десять лет. За это время и вы, и я сильно изменились. Помолчите! – повысил он голос.

– Закрой пасть, видишь, анкл нервничает, – Федор ткнул брата локтем.

Веня закрыл рот и опустил поднятую руку.

– Да... – сбился с мысли Платон. – Я хотел сказать, что намеревался поближе с вами познакомиться, прежде чем принимать те или иные решения по поводу нашей совместной жизни. Например, расскажите, чем вы занимались в последнее время.

Братья переглянулись.

– Анкл... – начал говорить Веня, но Платон его перебил:

– Вы все время называете меня этим странным прозвищем, оно несколько режет слух.

– Чего оно режет? – спросил у брата Федор.

– Ему не нравится слово «анкл», – объяснил Веня.

– А как тебя называл отец? – заинтересовался Федор.

– Ну... – задумался Платон. – В хорошем настроении он называл меня Тоней, а в плохом... Нет, минуточку. Я хотел предложить вам называть меня по имени и отчеству, этого вполне достаточно.

– Тоня не пойдет, это по-бабски как-то, – заявил Федор. – Мы будем называть тебя Тони. Тони – это как у мафиози в Италии.

– Ага, – кивнул Веня. – Я фильм видел, там так звали главного гангстера.

– Меня зовут Платон Матвеевич...

– Так мы не поняли, что ты решил с Пончиком? – перебил его Веня.

Платон вдруг успокоился и посмотрел на братьев с участием и жалостью.

– Тони, не смотри так, будто мы уже покойники, – попросил Федор. – Мы в тебя верим.

– Давайте продолжим знакомство. Расскажите мне о брате. Я его давно не видел.

– Чего говорить? – уточнил Федор.

– Ну, чем он интересовался последние годы. – Пять лет назад чеченцев теснили от гостиниц, он этим интересовался. Еще он немножко интересовался казино, но там было кому интересоваться, кроме него.

– Еще он интересовался два месяца *кино*, – напомнил Веня. – А потом перестал. Поставил на главную роль телку и завязал.

– Телку?.. – не понял Платон. – В смысле – корову?

– Телку – в смысле шикарную соску. Он был этим, как его... – Федор нахмурил лоб.

– Продюсером, – медленно выговорил Веня. – Кого скажет на главную роль, того и поставят. За два месяца кое-как выбрал. Героиню, в смысле.

– Ах, героиню, – улыбнулся Платон.

– Расскажи про татуировку, – напомнил Федор.

– Да. Он татуировками стал интересоваться. На заднице наколол себе дракона. Из Японии в прошлом году приезжали жирдяи, у них есть спорт такой – толкаются, кто кого вытолкнет из круга. Отец разохотился, тоже тряпкой между ног обмотался и выскочил на подиум толкаться.

– И что? – заинтересовался Платон.

– Показал всем дракона на заднице. А зря, что ли, его выкалывали полдня?

– А еще он целый год интересовался бриллиантами, – вспомнил Федя.

– Якутскими алмазами, – уточнил Веня.

– Ну да. Он так изучил чукчей, что все время говорил про них! Даже язык выучил немного.

– Он уверял, что может уломать любого чукчу купить у него все, что угодно. Даже печку.

– Не печку, а типа духовки! – поправил брата Федор.

– Печку!

– Подождите, может быть, холодильник? – внедрился в спор Платон. – Есть такой анекдот про чукчу с холодильником. Там вся суть в том, что температура в холодильнике плюс пять, понимаете? – Платон сбился, видя одинаково снисходительное выражение на лицах братьев, – ну, в общем, в холодильнике теплее...

– Ну ты, Тони, странный какой, – удивился Веня. – На кой черт чукче холодильник? У него в чуляндии и так один лед кругом!

Братья замолчали. Платону стало вдруг нестерпимо грустно.

– Ваш отец... – Платон задумался, обнаружив вдруг в горле спазм, с которым еле совладал. – У Богуслава тоже была любимая книжка. Он ее выучил почти наизусть.

– А нам потом рассказывал на ночь, – тяжело вздохнул Федор, кивая головой.

– Ага, – невесело поддержал его Веня. – Рассказывал одно и то же, как молился. Я до десяти лет думал, что это молитвы такие из Библии. Облажался в первом классе на уроке. Учительница спросила, что мы знаем о боге, я на память зашпарил ей бормотания отца на ночь вместо сказки. «Трудится он, когда ничего не делает, ничего не делает, когда трудится. Бодрствует во сне, спит бодрствуя, с открытыми глазами, опасаясь ночного нападения Кол-

бас, исконных своих врагов. Смеется, когда кусается, когда кусается – смеется. Купается на высоких колокольнях, сушится в реках» (Фр. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»). Хохоту было...

– Это же Постник, – улыбнулся Платон. – Это не о боге, а о Постнике.

– Я тоже помню! – повеселел Федор. – «Если Постник сморкается – это соленые угри, если дрожит – это огромные пироги с зайчатиной, если чихает – это бочонки с горчицей». Надо же, – удивленно повертел он головой, – как все хорошо запомнилось. Анкл, может, хоть ты, наконец, нам скажешь, кто такой Постник?

– А также, кто такие – Мухолов, Живоглот, Брюльфер, Алькофрибас, – грустно перечислял Веня.

– Это имена из родословной великана и обжоры Пантагрюэля, сына Гаргантюа, – охотно объяснил Платон, и вдруг, неожиданно для себя, все вспомнил! – Гаргантюа был повелителем Утопии, когда ему исполнилось пятьсот двадцать четыре года, у него родился сын Пантагрюэль, огромный и тяжелый ребенок...

– А Панург? Помнишь Панурга? – Федор положил на стол руки и подался к Вениамину.

Платон посмотрел на братьев, удивленный их детской неприкаянностью и нервическим отчаянием в голосе.

– Еще бы не помнить! Как говорил отец – это классика: «Панург с детства страдал ужасной болезнью – отсутствием денег».

Они засмеялись, толкая друг друга.

– И ему... «ему были известны шестьдесят три способа добывания денег!.. – давился смехом Вениамин, – из которых самым честным являлась обыкновенная кража».

– Когда Федору исполнилось шесть лет, Богуслав подарил вам опасную игрушку – Большой Шантельский Арбалет, как он это называл, – грустно улыбнулся Платон.

– Я помню! – кивнул Федор. – Отличная стрелялка – типа лука, но с пружиной. Нажимаешь на кнопочку – шлеп!

– И что мы с ней делали? – улыбаясь, поинтересовался Веня.

– Перестреляли всех птиц в округе, – вздохнул Платон. – Но не все так грустно. Я думаю, вы до сих пор помните греческий.

– Чего? – нахмурился Федор.

– Я сказал, что ты немного знаешь греческий. Как будет «крепыш»?

Федор смотрел, не понимая. Веня толкнул его локтем.

– Эсфен, – сказал он. – А Карпалим – это стремительный.

– Колбасорез и Сосискокромс смешнее! – перебил его Федя.

– А Подлив, Брюквожуй, Сардин-Гарнир? – заходился хохотом Веня.

– А Гимнаст – это тоже из этой книжки? – поинтересовался сквозь смех Федор.

– Да, он сопровождал Пантагрюэля в плавании и в сражениях, – кивнул Платон, чувствуя, что больше всего ему хочется, чтобы братья стали малышами и он, как когда-то, посадил бы племянников к себе на колени и хотя бы на несколько минут завладел их воображением до открытых от изумления ртов, до рабского обожания в глазах.

– И меч Гимнаста в книжке назывался «Поцелуй-меня-в-зад»? – Веня не мог унять нервический хохот. – Я думал, что отец издевается, когда показывал на Гимнаста в саду и спрашивал: «Где твой меч, Гимнаст? Где твой „Поцелуй-меня-в-зад“? Ты поменял его на грабли?»

Платон застыл, утопив сердце в печали воспоминаний. Почему-то никогда не приходило в голову, что его садовник Гимнаст называется так не только оттого, что в юности был известным гимнастом, а как оказалось, Богуслав из-за книги о толстяках так назвал подобранного им калеку, выброшенного из спорта! Он надеялся на пожизненную собачью пре-

данность хромого калеки, но Гимнаст попросился приживальщиком к Платону в Ленинград, когда братья рассорились.

«Неблагодарная свинья! – кипятился тогда Богуслав. – Я подобрал его, запойного, на улице, и что получается? Отожрался, отоспался – и бежать от меня? Никогда больше не поверю тощим!»

– Точно, – кивнул Платон, чувствуя, что сейчас расплатится. – Он... Богуслав всегда доверял толстякам больше...

– Ну да, а вообще толстяки появились на свет оттого, что Каин убил Авеля, так? – ехидно поинтересовался Федор.

– При чем здесь Каин и Авель? – опешил Платон.

– Это все из-за кизила, – объяснил Вениамин. – В той книжке написано, что после братоубийства случился необыкновенный урожай кизила, отец так говорил, и все, кто мог, обожрались этой ягоды и распухли в разных местах. А кто распух равномерно, от того и родились потом великаны.

– Хурали родил Немврода, – кивнул Федя. – А Немврод родил Атласа, подпиравшего плечами небо, чтобы оно не упало, – подхватил Платон и добавил: – Видите, и от больших толстяков бывает прок.

– Анкл, – осторожно поинтересовался Вениамин. – У тебя что, с отцом была одна книга на двоих?

– Нет, – сказал Платон, справившись наконец с комком в горле, – я прочел эту книгу не очень давно и, скажу вам честно, с годами мне все больше кажется, что одной такой книги некоторым людям вполне достаточно для осознания сущности жизни.

– А мы на тему осознания жизни, – сказал Веня, – как раз кое-что припасли.

Он пошел в коридор, притащил рюкзак, долго рылся в нем, потом выудил длинную бутылку с узким горлышком, заткнутую самодельной пробкой.

– Неси стаканы, Тони.

– Что это?

– Ракия. Отличная штука. Не сразу шибает, а погода. Успеем поговорить в сознанке.

– Нет, ребята, спасибо, но я не пью крепкие спиртные напитки.

– Это не напиток. Это ракия. И мы не собираемся ее просто так пить, да, Федька?

– Да. Мы будем пить ее на конкретную тему. Мы будем отца поминать. И ты, Тони, будешь последним...

– Не обзывай дядю Тони, он и так не в себе, – заступился за Платона Веня.

– Я хотел сказать, что он будет последним козлом, если не выпьет за помин отца.

– Вот и не обзывай. Он выпьет, да, Тони?

И Платон сделал совершенно зверский глоток из высокого бокала богемского стекла.

Восстановив дыхание, он обратил внимание, что пробка из бутылки обернута какой-то не очень чистой тряпицей.

– Старик в гостинице подарил, – заметил его интерес Веня. – Он сам делал ракию. Мы попробовали, пока у самолетов маялись, чтобы зря ее не тащить, и одобрили.

– Класс, – кивнул Федор. – Теперь за поминки души. Давай стакан, Тони. Что ты в него вцепился?

– А перед этим за что пили?

– За помин тела. Ты видел его мертвое тело, Тони?

– На фотографии, – тихо сказал Платон.

– Впечатляет, да? В такой позе помереть любому можно пожелать! Ты что, не согласен?

– Согласен, – кивнул Платон и подвинул свой бокал.

Третью пили за то, чтобы Богуслав Матвеевич Омолов попал в хорошую компанию. Потом Платон ничего не помнил, пока не обнаружил себя у входной двери, тарасившимся в глазок.

Звонили долго и настойчиво.

– Кто там, Тони? – крикнул один из братьев из комнаты.

– Большая красная голова, – честно ответил Платон, держась за дверь.

Красное пятно отплыло в сторону. Физиономия женщины, уродски удлиняясь, приблизилась кошмаром, и Платону стало страшно, что между этим ужасом и его зрачком только стеклышко. Он отпрянул.

– Откройте, это Аврора.

Пока открывал замки, Платон вспомнил, кто такая Аврора.

– Я принесла шлем, – она вошла в коридор, держа под мышкой приплюснутый и изрядно ободранный красный шлем.

– Это Аврора, она принесла шлем, – доложил Платон, возвращаясь к столу.

– А теперь – за любовь! – По столу к нему медленно двигалась рюмка. Чтобы убедиться, что в глазах не двоится, Платон потрогал бутылки на столе. Две. Одинаковые и уже пустые.

– Думаете, он там будет любить? – засомневался Платон.

– А что ему еще остается на том свете делать с таким членом? – логично заметил Федор.

Потом вдруг Платон обнаружил себя на улице. Белесое небо опадало клочьями тумана и путалось под ногами.

– У вас всегда тут так светло по ночам? – поежился Веня. – Ночь должна быть темной.

– Это смотря для чего, – заметил Платон, собираясь объяснить, как восхитительно бродить по городу в молочной воде разлившегося по асфальту неба, с утопившимися в ней фонарями, но вдруг не смог подобрать слов. – Все фонари утопились, – захихикал он.

– Зря мы его так напоили, – донеслось издалека, как сквозь вату в ушах. – Он не сработает.

– Сработает. Видел, как он сделал это с закрытыми глазами?

– Так то же вблизи. А там неизвестно, с какого расстояния стрелять придется.

– Кому стрелять придется? – насторожился Платон. – Я не умею стрелять! Вы меня не за того принимаете! Я всю жизнь был бухгалтером, средненьким таким, благоразумным бухгалтером.

– Видишь? Отлично соображает и отвечает за слова!

Платон очнулся в самолете. Голова раскалывалась. Он осмотрел небольшой салон, насчитал всего по шесть иллюминаторов с каждой стороны и, обмирая внутренностями, растолкал всхрапывающего Веню.

– Куда мы летим?

– Все нормально, анкл Тони. В Ялту летим. Расслабься.

Кроме них троих в салоне было еще два человека. Они спали, укрывшись с головой пледами.

– Что же это творится, как же так можно?.. Я запер квартиру?

– Запер, Тони, иди поспи.

– А сигнализацию включил?!

– Нет. Там кошелка твоя осталась убирать.

– Кошелка? Ах да, эта женщина... Господи, надеюсь, она не тронет аппаратуру...

– Она сказала, что все вытрет и вычистит.

– Мне нужно позвонить.

– Позвони, Тони.

Платон обшарил свои карманы. Потом – сумку у ног спящего Федора. С недоумением несколько секунд разглядывал огромный пистолет со странно длинным дулом, потом опять зарыл его в полотенце. Телефон лежал в наружном кармане сумки. Платон чуть не взвыл от досады: это был не его аппарат! Значит, номер с нажатием пятерки не пройдет. А наизусть он, конечно, его не запомнил! Только было он собрался бросить телефон на пол и растоптать его от досады (краем сознания отмечая, что раньше подобных нервных срывов у него не замечалось), как телефон тихонько тренькнул у него в руке.

– Але! – осторожно произнес Платон. – У аппарата.

– Платон Матвеевич, не нервничайте, пожалуйста.

– А кто вам сказал, что я нервничаю? – стараясь успокоить задрожавшую нижнюю челюсть, удивился Платон.

– Сядьте в кресло. Не туда! – вдруг приказал голос, когда опешивший Платон начал было устраивать свой зад рядом со спящим Вениамином. – Сядьте через проход. Я вас слушаю.

– Вы меня слушаете?.. Но это же вы позвонили, я ничего не понимаю!

– Нет, Платон Матвеевич, это вы искали телефон, чтобы позвонить нам.

– Кому это – нам? – подозрительно прищурился Платон, привстал и оглядел салон самолета.

– Нам, то есть Коле Птаху. Расскажите о своих проблемах.

– Это у вас проблемы, а не у меня. Почему вы не дали задержать братьев, когда они разбили машину? Что это за игры такие? Вы доиграетесь!

– К делу, Платон Матвеевич.

– А я давно в деле. Я говорил, что пристрелил кошку? Говорил?

– Попали?

– В глаз! Зажмурившись. Это, наверное, у меня от страха получилось. А теперь я лечу в Ялту, чтобы убить Пряника.

– Пряника?

– Нет, постойте. Может быть, Пончика, я не уверен.

– Вы не волнуйтесь, Платон Матвеевич.

– Как же мне не волноваться! – Платон опять вскочил, уже твердо уверенный, что разговаривающий с ним человек находится рядом в салоне. – Вы должны принять меры! Мои племянники почему-то вбили себе в головы, что я суперкиллер! Кошка на дороге под ногами – это одно, а охраняемый человек в гостинице – это совсем другое! Да если я начну палить из этой страшной штуковины, которую они держат в сумке, то могу ранить массу народа!

– Мы что-нибудь придумаем. Вспомните, пожалуйста, гостиница точно в Ялте?

– А вот не поручусь! Я не могу ничего толком вспомнить, потому что меня напоили. Прошу вас, снимите нас с самолета в аэропорту и арестуйте! У меня нет визы на Украину. Арестуйте хотя бы меня одного, раз уж вы решили не трогать моих племянников!

– Платон Матвеевич. Мы сделаем так. В аэропорту вы сядете в машину...

– В вашу машину? – перебил Платон.

– Вы сядете в машину с племянниками, поедете к гостинице, в нужный момент возьмете предложенное оружие...

– И сдамся первому же милиционеру?

– Нет. Возьмете оружие. И когда вам покажут объект, выстрелите в воздух. Один раз. Запомнили?

– Один раз, запомнили... – пробормотал Платон, еще не веря в услышанное. – Но как же?..

Гудки в трубке.

– Это невозможно, – подвел итог Платон. Прошел, шатаясь, в хвост самолета, внимательно осмотрев укрытых с головой пледами попутчиков. Потом раздвинул малиновые шторы и обнаружил за ними дремлющего на стульчике настоящего стюарда в белом и с бабочкой из того же малинового материала, что и шторы.

– У вас есть ракия? – строго поинтересовался Платон.

Стюард молча протянул плоскую бутылочку коньяка. Осмотревшись и не обнаружив ничего, куда можно было бы налить коньяк, Платон поделил его на глотки из горлышка.

На шестом глотке он добрал до кресла рядом с Федей и с облегчением привалился к его плечу своим.

Дорога к Ялте сияла солнцем и прозрачным обжигающим небом. Платон пришел в себя на шоссе. Он лежал на заднем сиденье довольно большого автомобиля, братья сидели впереди, вел Федор. Судя по количеству децибел, которые долбили по мозгам из невидимых колонок, спрашивать о чем-то племянников было бессмысленно, Платон осторожно сел и стал смотреть в окно, отслеживая все попадающиеся на пути рекламные стенды и дорожные указатели.

– «На Харьков», – удрученно прочитал он вслух. – Что происходит?..

Осторожно ощупав голову, Платон убедился, что она не раздулась в несколько раз, как ему показалось, когда он сел, и из ушей ничего не свисает.

Братья заметили, что Платон проснулся, и выключили музыку. Платон удивился: стало очень тихо, и звук вылетающих из-под колес камушков резал по мозгам скрежетом куда более неприятным, чем только что громкие ударные.

– Тони, – повернулся к нему Веня, – ты чем охлупляешься?

– Охлупляюсь?.. Ну, чем я могу охлупляться, дайте подумать... Сдаюсь.

Что-то неприятно давило в левую ягодицу. Повозившись, Платон вытащил из-под себя пустую плоскую бутылку из-под коньяка и обнаружил, что брюки и сиденье мокрые.

– Я разлил коньяк, какая жалость! – понюхал бутылку Платон.

– Нет, Тони, до этого не дошло. Не огорчайся так. Коньяк ты весь выпил, а штаны просто обоссал, – утешил его Федор.

– Как?.. Что?.. – обомлел Платон.

– Извини, Тони. Мы сунулись в пару бутиков по дороге, чтобы сменить тебе штаны, но ничего не вышло, – виновато сказал Веня.

– Да, Тони. Ты просто бугай какой-то, – поддержал брата Федор. – В одном месте мы даже попросили обмерить тебя в машине. Нам сказали, что нужен шестьдесят второй размер. А это редкость. У них такого размера нашлись только пляжные трусы до колен.

– В красный горошек, – вступил Веня. – Сам понимаешь, ехать стрелять Пончика в пляжных трусах в красный горошек – это несолидно.

– С кем не бывает! Вот возьми, – не поворачиваясь, от души протянул назад руку Федор. – Нас мужик носильщик спросил в аэропорту, «чим вин, такой здоровый, охлупляешься?» и посоветовал купить это.

– Что это?.. – На этикетке маленькой бутылочки мелкие буквы расплывались в серую мазню.

– А хрен его знает, – пожал плечами Веня.

– Кстати, там и хрен есть, – заметил Федор.

Платон на эти его слова не обратил внимания, открутил пробку довольно широкого горлышка и осторожно понюхал. Приятный пряный запах. Он наклонил бутылочку, а так как из нее почему-то ничего не вылилось, постучал по дну.

Во рту оказалась странная сладковатая масса какой-то густой пряной приправы. Вяло пожевав ее, Платон через секунду едва удержался от крика, но подпрыгнуть подпрыгнул.

Он заметался на сиденье, обшаривая карманы, чтобы выплюнуть все в какойнибудь платок или салфетку, но ничего похожего не нашлось. А во рту уже разгорелся настоящий пожар, в нос ударила перечная волна, из глаз потекли слезы. Заметив его странные прыжки, Федор резко затормозил и остановился. Платон стал валиться вперед и от этого рывка неожиданно все проглотил.

– Помогите!.. – прохрипел он, задыхаясь.

– Тони, тебе сейчас полегчает, – пообещал развернувшийся к нему Веня.

– Убийцы! Я не могу дышать...

– Сейчас пройдет, – так же спокойно заявил Федор. – Сразу ясно – ты не любишь мексиканскую кухню.

– Дайте попить! Мне нужно выйти!

– Попей, Тони.

Вцепившись с отчаянием умирающего в предложенную бутылку, Платон сделал несколько больших глотков.

– Теперь скажи честно, разве тебе не полегчало? – спросил Федор.

Платон убрал бутылку от губ и посмотрел на братьев, зачем-то прикидывая, где может быть сумка с завернутым в полосатое полотенце пистолетом.

– Полегчало! – радостно улыбнулся Веня.

Действительно, ему сильно полегчало. Жгучесть слегка отступила, хотя небо и язык горели, как ошпаренные. Зато в голове появилась полная ясность и какая-то отчаянная смелость.

– Вы у меня дождетесь! – яростно пригрозил Платон и тут только заметил, что бутылка, из которой он жадно пил, пивная.

– Не-е-ет! – простонал он. – Только не это. Что же это делается?.. Кто подсунул мне пиво? У меня на него аллергия!

– Ну извини, анкл Тони, – забеспокоился Веня. – Как эта твоя аллергия выглядит?

– Через десять минут у меня распухнет лицо, наступит отек, станет трудно дышать!

– Тони, не бери в голову. У тебя последние два часа и так морда красная, как жопа у обезьяны, глаза заплаыли, и дышишь ты, как сломанный насос. Так что – все в порядке. Тут другой вопрос. Как у тебя в этой аллергии ведут себя пальцы?

– Нет, я не верю, это не со мной... – Платон почувствовал, что едва сдерживает слезы, так ему вдруг стало себя жалко. – На кой черт вам сдались мои пальцы? – заорал он.

– Тони, начни думать наконец о работе. Ты должен попасть в Пончика хотя бы с восемью выстрелов, – развел руками Веня, потом стал сосредоточенно ковыряться в ухе.

– Почему с восемью? – тупо спросил Платон.

– Столько в обойме. Навряд ли нам дадут перезарядиться, – буднично объяснил Федор.

– Что у тебя в руке? Что это?.. Отдай немедленно, придурок! Это мое! – опять заорал Платон и вдруг увидел себя со стороны: потный, красный, злой мужик, в облитых мочой брюках бросается на парня и отнимает у него золотую заколку для галстука, которой тот ковырял в ухе.

– Отдай дяде булавку! – еще громче заорал Федор и залепил брату подзатыльник.

После этого стало тихо. Платон крепко сжимал в руке отвоеванную заколку для галстука. Веня обиженно сопел, отвернувшись. Федор потер себя ладонью по голове, по короткому темному ежику, и решил закончить дело миром.

– А если бы Тони стащил у тебя из пупка серьгу и засунул ее себе в задницу? – назидательно поинтересовался он.

– То задница, а то – ухо! – огрызнулся Веня. – Это ты виноват. Говорил тебе, не сыпь сразу обе таблетки! Одной вполне хватило бы. Посмотри на него. Он обозвал нас придур-

ками, а я могу поспорить – таких слов наш дядя никогда раньше не говорил. Помнишь, как он набросился на отца и сказал, что детей оскорблять нельзя?

– Настоящие убудочные придурки, – захихикал Платон, и ничего не мог с собой поделывать даже после болезненного щипка себя за ляжку. – Мальчики, со мной что-то происходит, это, наверное, такая странная аллергия на пиво. Я уже опух?

– Это не от пива, а от двух таблеток экстази, – объяснил Веня. – Тебе после небольшого запоя хватило бы и половинки одной.

– А где я взял эти таблетки? – еще не совсем осознал происходящее Платон.

– Нигде ты их не взял. Федька разгрыз две штуки и заплюнул в бутылку с пивом. Потом взболтал...

– Дегенерат! – восторженно заметил Платон.

Федор завел мотор и сердито рванул с места.

– А самолет был? – спросил Платон.

– Был, – ответил Веня.

– И аэропорт был?

– Был.

– А стюард в красной бабочке?

– Был.

– Ну слава богу! Я не сошел с ума. А теперь куда мы едем?

– К гостинице «Центральная».

– Зачем?

– Мы покажем тебе Пончика, ты в него выстрелишь и будешь стрелять, пока не попадешь или пока нас всех не убьют.

Услышав это, Платон помолчал, потом тяжело вздохнул и сам себе сказал:

– А что поделать? Грехи наши тяжкие... Чувствовал, не умереть мне у себя дома, как минимум – в психушке. Самое смешное, знаете что? – обратился он к братьям. – Что я – бухгалтер.

– Расслабься, Тони. Я не обижаюсь, – сказал на это Федор. – Расслабься и перестань объяснять. Здесь все свои.

Они неслись по шоссе со страшной скоростью. Вдали вдруг возник сказочным миражом город с белыми изломами улиц, и через секунду все поглотила яркая вспышка – это море открылось за поворотом и ослепило отраженным от воды солнцем.

– Море! Купаться! – в восторге вскочил Платон, ударился макушкой о перекладину откидного верха и свалился.

Он лежал на сиденье, смотрел вверх и едва сдерживался, чтобы не расплакаться – приступы бешенства сменялись острой жалостью к себе. И вдруг произошло чудо: с жужжанием потолок машины отполз назад, и открылось горячее просторное небо! Платон тут же встал, держась за спинки передних сидений, и подставил лицо бешеному, пахнущему травами ветру.

– Подыши, Тони, – ласково разрешил Федор. – Подыши, а искупаться никак нельзя, извини. Время. С одиннадцати тридцати до двенадцати Пончик пьет пиво на террасе и обсуждает свои дела по телефону. Опоздать нельзя.

– Я буду стрелять стоя! – закричал Платон, и ему пришлось схватиться правой рукой за грудь, чтобы колотящееся в ребра сердце не вырвалось наружу и не скатилось вниз по камням к зеленоватой воде, поймавшей солнце. – Стоя, и на полном ходу! Ура! Мы победим!

Через двадцать минут, когда они въехали на центральную улицу города, Платон, конечно, иссяк. Он с трудом разлепил отяжелевшие веки, когда Федор попросил его осмотреться.

Платон честно вертел головой, пока братья, нацепившие одинаковые солнцезащитные очки, проезжали мимо гостиницы.

– Есть, – тихо заметил Веня.

– На том самом месте, – кивнул Федор и протянул дядюшке пистолет дулом вниз.

В этот момент Платон осознал безвыходность ситуации и стал вертеться активнее, внимательно рассматривая проезжающие мимо машины и людей на тротуарах.

– Спокойно, Тони, – попросил Веня. – Мы его видели. Приготовься.

– Нет, я еще не готов, – поспешно заявил Платон. – Я не могу стрелять! Никого нет рядом, никаких агентов, и потом – где здесь воздух? Где здесь тот самый чертов воздух, в который нужно целиться?!

Он с ужасом на лице стал разглядывать оружие, заглядывая в ствол и нюхая его.

– Говорил же тебе, две таблетки – это много! – прошипел Веня.

– Поздно обсуждать, – пробурчал Федор и резко развернулся на месте на сто восемьдесят градусов.

Под ужасающий скрежет тормозов братья с полминуты наблюдали в зеркальце, как их дядя, открыв рот и вытаращив глаза, подбрасывает перед собой пистолет то одной, то другой рукой.

– Тони! – прокричал сквозь ветер Федор, набирая скорость. – Что ты делаешь?

– Ты затормозил резко, я его чуть не выронил, – с облегчением выговорил Платон, поймав наконец пистолет где-то внизу живота.

– Третий столик по ходу, мужчина в желтой футболке! – сказал Веня. – Приготовься. Федька сбавит скорость, но чуток.

Платон ухватил пистолет и резко встал. Он с ужасом стал высматривать террасу и столики, потом вспомнил, что это ему совсем не обязательно. Веня осторожно отвел дуло, которое уперлось ему в шею, когда Платон встал.

– Ну где же вы! – взвыл Платон, оглядываясь, и на всякий случай помахал над головой тяжелым пистолетом.

– Рано! – крикнул Федор, и почти сразу же: – Давай!

Нервы у Платона не выдержали.

– Я бухгалтер! – закричал он и выстрелил.

Федор нажал на газ. Платон от рывка машины свалился и зачем-то закрыл голову руками.

– Опаньки! – сказал кто-то из племянников.

Над ними с шорохом проползла крыша, закрывая небо.

Приготовившись ехать долго, Платон пытался улечься и подтянуть под себя ноги, но, к его удивлению, через три-четыре минуты машина свернула в переулок и резко остановилась.

От стоящей во дворе «Скорой» подбежали двое санитаров с носилками, открыли заднюю дверцу и стали вытаскивать Платона за ноги. Он исступленно отбивался. Он даже что-то кричал, но после вонючей марли у лица поплыл в невесомости, больше всего на свете желая, чтобы это и была смерть – сладкая, легкая, как сон, а не преддверие психушки.

С большим трудом у затихшего Платона удалось вытащить из руки пистолет. Федор протер его и выбросил в мусорный контейнер. Братья проследили, чтобы дядюшку тщательно укрыли с головой, осторожно завезли носилки в машину и сами сели по обе стороны от вспучившегося животом под простыней тела.

– Ты видел? – спросил Веня. – С одного выстрела.

Федор только кивнул, играя желваками, взял свисающую вниз руку Платона с ухоженными отполированными ногтями и пожал ее.

Через сорок две минуты «Скорая» подкатила к заброшенной взлетной полосе в полутора километрах от аэропорта, а еще через три с половиной минуты небольшой частный

самолет взлетел, оставляя внизу слепящее море, прилепившиеся к выступающим скалам маленькие причудливые беседки, белые изломы прокаленных улиц и камни, камни, камни – везде у зеленой воды.

Все в белом. Потолок белый, шторы на окнах – тоже, стулья из белого пластика, белая простыня на родном животе (Платон пошевелил рукой и убедился – это его пальцы на его животе), белый колпак на женщине в белом халате. На подоконнике в трехлитровой банке стоял огромный букет красных роз.

– Безвкусица, – сказал Платон.

– Что вы сказали? – склонился над его лицом колпак.

– Очень яркое пятно на стерильном фоне.

– Как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался далекий женский голос.

Платону очень хотелось объяснить, как именно он себя чувствует – словно ему только что выдрали верхние и нижние коренные зубы справа, употребив для этой процедуры ударную дозу обезболивающего. Теперь щека онемела, губы справа тоже, язык плохо слушается, наркоз дошел даже до глаза – полуприкрытый, он не желал ни моргать, ни открываться пошире. А так как Платон, всю сознательную жизнь трепетно относившийся к состоянию зубов, наверняка сопротивлялся, то его пришлось привязать, или даже немножко побить, потому что пошевелиться нет никаких сил – все тело болит и ноет.

Платон открыл рот, пошевелил языком, потом решил ощупать зубы справа, но с удивлением убедился, что правая рука слушается плохо – не то что залезть в рот и все ощупать, пальцы едва шевелятся!

– Вот видите! – многозначительно сказал женский голос. – И вы еще легко отделались!

– Меня зовут Платон Матвеевич Омолов, – кое-как произнес Платон. – А вы кто?

– А я врач-невролог, Таисия Ивановна, будем знакомы.

– Что со мной было? – решился спросить Платон.

– Микроинсульт, – с готовностью пояснила врач. – Но не беспокойтесь, вы, верно, в рубашке родились.

– Нет, – заметил Платон, – я родился абсолютно голым.

– Вот и шутите уже, это хороший признак.

– А ноги у меня не отрезаны? Я их совсем не чувствую.

– Нет, ноги в порядке. Мы еще будем повторно диагностировать причину отсутствия реакции на раздражение, – врач откинула простыню и ткнула куда-то иголкой.

– Ой! – сказал Платон.

– Вы чувствуете? – вскочила она.

– Нет, но мне страшно, когда кто-то размахивает большущей иглой в таком месте.

– Все образуется, – она закрыла простыню. – Удачей оказалось и то, что вы упали в десяти метрах от железнодорожного полотна.

– То есть, – флегматично уточнил Платон, – под поезд я не попал.

– Нет, я хотела сказать, что вы свалились на рельсы с таким грузом сверху!.. Как минимум должны быть множественные переломы, а у вас – ничего. Скорей всего у вас еще не прошел шок, постепенно реакции восстановятся. Посетителей примите? – спросила она.

Платон задумался. Последнее, что он помнил, – это машину «Скорой помощи» и странных санитаров, дерущихся с ним. Потом, оказывается, он упал у каких-то рельсов с большим грузом на себе. Нет, одному ему не разобраться.

– Приму.

Племянники ввалились шумно и весело.

– Ну, Тони, ты и здоров! – первым делом заявил Федор.

– Остаться живым после того, как на тебя хряпнулся Федька, – кивнул Вениамин.

Дальнейшая беседа привела Платона Матвеевича в состояние полнейшей отрешенности – так иногда бывало, – отчаяние в нем превращалось постепенно в равнодушие, если стресс по силе своей превышал восстановительные возможности организма.

– Почему же он на меня хряпнулся? – медленно спросил Платон, приготовившись выслушать самый невероятный ответ, но то, что он услышал, превзошло все ожидания.

– Вы летели, считай, на одном парашюте! Твой ведь не раскрылся, потому что ты был в отключке.

– Я прыгал с парашютом? Где? Зачем?.. – спросил Платон еще тише и в дальнейшем перешел на шепот, который племянники ловили, как говорится, прямо из плохо двигающихся уст: склонившись с разных сторон, они навалились на него молодыми телами, чавкали жвачкой и дышали в лицо запахом пива и клубничной синтетики.

– Не где, а откуда! – радостно поправил его Веня. – Из самолета мы прыгали. Потому что два козла, которые с нами опять летели, оказались совсем не сбежавшими из тюрьмы братками, а посадными кротоми. Мы подрались и бросили гранату, а сами прыгнули.

– А ты, Тони, после хлороформа был ну совсем никакой, – вступил в беседу Федор. – Я еле на тебя парашют нацепил.

– Хлороформа?..

– Мы тебя до самолета везли в «Скорой», ты должен был выглядеть натурально, как труп, а уговорить тебя так лежать не было никакой возможности.

– Никакой? – прошептал Платон.

– Ты, Тони, очень возбудился после выстрела. Ну очень, – объяснил Вениамин.

– Это дело понятное, тут кто хочешь возбудится. По телеку новости были. Когда? – Федор вопросительно посмотрел на брата.

Вениамин задумался, потом уверенно ответил:

– Давно. Мы тебе записали на кассету, потом посмотришь. Короче, ты завалил Поню с одного выстрела. Своего, коронного. В глаз.

– Давно?.. – прошептал Платон. – Ты сказал...

– Ты давно тут лежишь, Тони, – Вениамин потрянул у него над головой своими рыжими кудрями. – Ты вторую неделю лежишь. Тогда ты очень возбудился после удачного выстрела. Кричал, пел и все такое. Ну а если бы нас тормознули с проверкой на дороге? Пришлось тебя... это самое... хлороформом. И все тип-топ. Привезли тебя, тихого такого, к самолету и погрузили на носилках без проблем. Если бы Федька не нажал повтор последнего номера на своем телефоне, и у посадного не отозвался его мобильник – запиликал на весь салон – мы бы долетели спокойно.

– Как это?.. – Платон смутно помнил звонок в самолете, тут же в голове его всплыло подозрение, что звонивший сидел под пледом в том же самолете. – Подсадной?

– Два! – уверенно заявил Федор. – Два посадных. Наверное, они на нас вышли, когда мы самолет фрахтовали.

– Нам сказали, что мы полетим не одни. Двоих братков нужно было перебросить на пару часов на Украину по делам, – продолжил объяснения Вениамин. – А это совсем и не братки были, а легавые!

– Легавые?.. – прошептал Платон.

– А кто ж еще?! Кто еще может вынюхать номер моего мобильного? Совсем оборзели! – взвился Федор. – Прикинь, летят вместе с нами туда и обратно и еще имеют хамство звонить на мой телефон!! – Короче, пришлось прыгать с парашютами, – подвел итог Веня.

– Я не мог в глаз, – до Платона дошло все сказанное о его нелепом выстреле, – я никак такого сделать не мог, это не я!

– Тони, только не начинай про бухгалтера, ладно? – попросил Федор. – Пора уже нам доверять. Я тебя к себе прицепил, вот как ты мне дорог. Конечно, скорость спуска при таком весе увеличилась...

– Если бы ты не упал сверху на дядю, как-нибудь приземлились бы без инсульта и при большой скорости! – повысил голос Веня.

– Я понимаю, это я виноват, – опустил темную голову Федор. – Но врачи сказали, что этот самый инсульт бьет всех по-разному. Тебя вот стукнул на правую сторону, а если бы на левую, было бы хуже, потому что там сердце. Я спрашивал. Сила удара не зависит от веса упавшего на тебя человека. Оказывается, это все в мозгу, – он постучал себя по лбу.

Кое-как приподняв левую руку, Платон погладил сначала мягкие кудри Вени, потом, показав пальцем, чтобы темная голова еще приблизилась, жесткую щетинку на макушке Федора.

– «Сердце мудрого – по правую сторону, а сердце глупого – по левую», – тихо произнес он, вдруг жутко захотел чихнуть и еле успел прикрыть рот ладонью.

Вщи-и-их!

Тело Платона содрогнулось, из вены на правой руке вывалилась игла капельницы.

– Кто это сказал? – не согласился Веня, вытирая лицо Платону уголком простыни. – Какой же ты глупый? Ты со странностями, это – да, но умный!

– Это Екклесиаст... Что ты делаешь? – Платон покосился на склонившегося над его рукой Веню.

– Хочу тебе засунуть иголку обратно, все вывалилось, подожди, не дергайся...

– А!...а...вщи-и-их!

– Чох спас мне жизнь, – скажет потом Платон медсестре. – Вы успели прийти, пока я чихал. Один племянник зашиб меня до инсульта, другой чуть не загнал в вену грязь и воздух.

– Они вас любят, – улыбнулась медсестра. – Они добились невозможного.

– Невозможного?

– Вы только час назад пришли в себя, а племянники уже получили разрешение забрать вас домой.

– Нет!!..

– Не надо так дергаться. Они денег не пожалели. И медсестру самую сексапильную уговорили, и врача навещать вас по два раза в день. Требовали отвести их к лучшему специалисту, но только чтобы фамилия его была не Екклесиаст. Смешные! И посмотрите только на эту роскошь! – показала она куда-то в угол.

Платон скосил глаза и сначала ничего не понял. Тогда медсестра села в новехонькую блестящую инвалидную коляску и стала кататься и кружиться в ней по палате, напевая.

К подъезду Платона привезли на «Скорой». Он с ужасом обнаружил, что из незакрывающегося уголка его рта тонкой струйкой вытекает слюна.

К лифту племянники донесли коляску на руках. В раскрытом прямоугольнике двери квартиры стояла женщина с букетом роз.

– Ненавижу розы! И вообще алый цвет не люблю! – вдруг обозлился Платон на цветы, на свою невнятную речь, на испытующий взгляд Авроры.

– Я знаю, – невозмутимо ответила та, шарахнув букет ему в колени.

– А-а-а! – закричал Платон и дернулся.

Тут же рядом с коляской возникла стройная фигурка сопровождающей медсестры.

– Больной, – строго заметила она, – вам вредно нервничать. А вы, женщина, не бросайтесь цветами в инвалида!

– Как же мне не нервничать? – завелся Платон. – Она исколола мне шипами колени!

– Вы чувствуете? – присела медсестра, обнажив яблочки коленок. – Он чувствует! – восторженным шепотом обратилась она к племянникам. – Он чувствует ноги!

– А я что говорил? – не удивился Федор. – Тони всех нас переживет! Здоров как бык.

– Это Аврора тебя вылечила, – авторитетно заявил Вениамин. – Ты разозлился на нее, она в тебя – розами. Кстати, Аврора спасла мне жизнь. Вчера вечером.

– Завезите меня, наконец, в дом, – еле сдерживаясь, чтобы не наорать на всех, потребовал Платон.

Судорожным движением плохо слушающейся правой руки он скинул цветы на пол и удовлетворенно хмыкнул, когда колеса инвалидной коляски прошли по розам. Только он собрался в коридоре, в привычных родных стенах, с облегчением выдохнуть из себя больничную тоску и страх, как застыл в ужасе: на него шел Федор, взбалтывающий огромную – литра в три – подарочную бутылку шампанского. Что следует за взбалтыванием бутылки кем-то из племянников, Платон уже ощутил на себе в аэропорту, поэтому он моментально левой рукой схватил за халат медсестру, чтобы спрятаться за нее, а правой попытался закрыть голову.

– Больной! – сопротивлялась медсестра, падая на Платона. – Вам нельзя нервничать!

– Неси бокалы! – кричал Федор. – Сейчас рванет!

Раздался громкий хлопок.

Выглянув из-под локтя, Платон увидел, как тугая струя пены заливает потолок в коридоре, как Аврора старается подставить под доньшко бутылки бокалы, собирая стекающее шампанское. Он помог стать на ноги упавшей на него медсестре и даже одернул ее задравшийся халатик.

– Извините, мне показалось, что меня сейчас опять обольют из бутылки.

– Больной! – жарко выдохнула девушка ему в лицо. – Что вы делаете рукой?

– Я?.. Я, извините, у вас халат задрался, вот, пуговица оторвалась снизу...

– Вы рефлекторно закрылись правой рукой! Правой, понимаете! А теперь ею же держаете меня за халат! Ну-ка, обхватите мою коленку!

– Нет, зачем это... – пробормотал Платон, отпрянув.

– Тони, возьми ее за коленку, – ободряюще кивнул Федор. – Твоя рука сразу вспомнит все.

Медсестра с силой тащила к себе его правую руку. Платон сопротивлялся.

– Да он сильный какой! – восторгалась она. – Вы на глазах идете на поправку!

Платон сжал правую ладонь в кулак, но когда кулак оказался у самой ноги девушки, сдался. С помощью Вениамина его ладонь закрыла коленку медсестры. Платон удивился прохладе и детской шероховатости кожи.

– Отпустите меня, – попросил он. – Я устал, я хочу побыть один.

– А шампанское?

К лицу Платона приблизился бокал с желтоватой пузыристой жидкостью. По тончайшему стеклу – будто разливы яркой бензиновой пленки.

– Венецианское стекло, – только и вздохнул он. – Я же просил ничего не брать из закрытых шкафов!

– Ему нельзя спиртное, – строгим голосом заметила медсестра. – Больной, вы чувствуете мою коленку?

– Что?.. Ах да, извините. Чувствую. – Платон со стыдом отдернул руку и попросил, не поднимая глаз: – Кто-нибудь, закройте, наконец, входную дверь.

– Понимаешь, Тони, – подозрительно задумался Федор. – Это пока невозможно.

Платон резко развернул колеса коляски и подъехал к двери. Только тут он заметил, что распахнутая на лестницу металлическая дверь завешена простыней. Он посмотрел на косяк и потянул на себя газету, зачем-то приклеенную снизу. Газета оторвалась, Платон обомлел:

он еще никогда не видел, чтобы металл так выглядел. Часть металлической коробки оплавилась, под газетой оказалась пробитая чем-то дыра в стене.

– Ой! – медсестра схватилась за щеки, полыхающие после лечебной процедуры с коленкой. – Куда же вы привезли больного? Его нельзя волновать! Зачем же вы так срочно забрали его из больницы?

– Мы прикинули, что Тони дома будет удобнее. А дверь – ерунда. К вечеру все починят и поставят новую, – заверил Веня.

Платон, естественно, захотел посмотреть, с какой стати ему будут менять прочнейшую, сделанную на заказ со специальными замками дверь, и подкатился поближе. Он сдерживал простыню со странным чувством. На сердце было муторно, но что-то внутри его замерло, как в детстве, в предчувствии необычного фокуса.

– Больной, вы только не нервничайте... – простонала сестричка, пока Платон с выражением удивления на лице рассматривал развороченную дверь – в нижней ее части зияла дыра диаметром сантиметров в шестьдесят. Нижний угол был оторван. Опустив глаза, Платон заметил, что и пол на лестничной клетке раскурочен.

– И что это такое было? – спокойно спросил он.

– Это бомбочка была, – с готовностью ответил Федор.

– Не бомбочка, а пластид со взрывателем, – поправил брата Вениамин.

– Кто это сделал? – поинтересовался Платон, удивляясь самому себе: какая разница, кто сделал? Разве кто-нибудь вообще в состоянии прекратить этот накативший на него кошмар?

– Конечно, ореховские, это и ежу понятно! – авторитетно заявил Федор. – Нет, Тони, я руку на отрезание не дам – у тебя тоже могли быть проблемы по работе, но когда все так складно получается, то – только ореховские.

– По работе?... – опешил Платон. – У меня – проблемы по работе?!

– Ты мог где-нибудь напортчить, Тони, – объяснил Веня. – Но Федька думает, что это нам подстроили после убийства Пончика в Ялте. Его банда.

– Мальчики, – жалобно пискнула испуганная медсестра, – можно мне в туалет?

– А я думаю, что хотели пришибить конкретно Федьку, – продолжал Веня, отмахнувшись от медсестры. – Тогда это могут быть и солнцевские, и брадобреи, и тунгачи.

– Ну, если и тунгачи... – пробормотал Платон, разворачиваясь, и быстро покатил к гостиной. – Ты сказал – конкретно Федора? – остановился он резко.

– Конечно, – подошел Веня. – Сначала – Федьку, он старший, потом, если получится – попробуют и меня.

В глазах племянника – безмятежнейшее спокойствие и даже... Платон постарался выбрать слово потактичнее, но ничего более подходящего, чем «дебилизм», не нашел.

– Тони-и-и! – склонился к нему племянник. – Ты меня видишь? – Он провел ладонью перед лицом дядюшки. Платон моргнул и кивнул головой.

– Ничего же страшного не произошло, подумаешь – дверь! Главное – все живы. А почему?

Платон мученически посмотрел на розовощекого рыжего Веню, но не нашел, что ответить.

– Потому что Аврора твоя оказалась очень кстати под ногами! Она спасла мне жизнь!

– Тебе? – ничего не понимал Платон.

– Да. Я шел первым. Мы так с братом договорились. Я везде буду ходить первым. Из подъезда и в подъезд, из машины – в машину. Буду первым подходить к дверям квартиры. И вот я шел, а Федька – за мной...

– Почему – ты?

– Потому что сначала должны кокнуть Федьку, понимаешь? Он – старший. Вот мы и договорились: а фиг им!

– Кому-у-у фиг?.. – простонал Платон.

– Да всем, кто хочет нас не допустить до дела! Мы им покажем плановый заказник! Сначала я взорвусь в машине, я – младший! Тони, да не расстраивайся ты так. Развалить планы этой падали – милое дело! Прикинь, даже если им удастся завалить Федьку первым, все равно я буду вторым, так какая разница?

– Можно я это прикину в кабинете? – шепотом спросил Платон. – Можно я буду это прикидывать в одиночестве и тишине?

– Подожди, ты не дослушал. Мы шли домой, короче, и я, как всегда, – впереди. Я должен был дверь открыть ключами, а тут, короче, из лифта вылетает в полной отключке твоя кошелка, то есть, я хотел сказать, – Аврора, я теперь ее буду звать по имени – заслужила. И вот, короче, вылетает она, размахивается своей кошелкой... в смысле большущей такой сумкой, и – хрясь! – меня по балде. Со всей силы. Прикинь?

Платон потрогал себя за голову и убедился, что ему не почудилось – голова его тряслась мелкой дрожью, как у долгожителей домов для престарелых.

– Короче, я завалился на Федьку, и мы отмахали целый пролет вниз, подминая друг дружку. И когда Федька встал, он сразу достал пистолет. Я говорю – не надо, давай ее сначала спросим, в чем дело, но он сразу нацелился на голову твоей кош... Авроры. А она ничего себе, спокойно так держится, пальни, говорит, сначала по замку в двери. А потом, значит, если ничего не случится, по моей башке.

– Я сказала – в мою голову, – поправила его Аврора, неслышно подошедшая сзади.

– Прошу вас, уйдите отсюда! – приказал Платон. – Вас только не доставало в этом дурдоме!

– И Федька говорит, зачем, значит, портить хороший замок? А она отвечает, потому что какие-то падлы подложили в дверь взрывчатку – и показывает на небольшой разрез в обивке. И вроде как она нам жизнь спасла, потому что не дала засунуть ключ в замок.

– Я не говорила «падлы», – опять перебила Вениамина Аврора.

– Да уйди ты отсюда, дай рассказать! – развернув женщину к себе спиной, Веня ткнул ее коленом в зад, направив в сторону кухни. – Короче, Федька пальнул по замку, и ка-а-ак рвануло! Ты только посмотри на нее.

Веня развернул коляску, и Платон имел возможность несколько секунд созерцать, как Аврора в кухне с неспешной тщательностью надевает фартук и завязывает его сзади.

– А на вид – настоящая придурочная, а, Тони? Я видел этот разрез в коже, и Федька видел, но он был совсем небольшой, мы не поверили, что от маленькой дырки может такое получиться.

– Она не придурочная, она наверняка специалист по оружию, взрывчатке и другим подобным игрушкам, понимаешь? – попытался объяснить Платон.

– Я тоже потом сказал Феде – зря мы ее обзываем, может, она охранник дяди, раз с одного взгляда на дырку в обивке определила силу взрыва. Она сказала нам присесть, прежде чем пальнуть по замку. Тони!

– Что еще?..

– Ты не ездил отдыхать в кабинет.

– Почему это? – вздрогнул Платон и в который раз за время пребывания рядом с племянниками похолодел внутренностями.

– Ничего такого, там все в сохранности, но одному тебе побыть не удастся.

– И кто же там? – повысил голос Платон, стараясь прикусить зубами нижнюю губу справа. – Гробовщики? Банда брадобреев? Тунгачи?

– Страховой агент, – ответил Веня.

Платон покрутил колеса и развернулся к нему лицом. У племянника в глазах – ни намека на издевку.

– Страховой агент? В моем кабинете?..

Нижней губе справа стало больно. Платон поздравил себя – выздоравливает не по часам, а просто по минутам!

– Кто его пустил?

– Никто не пустил, он сам вошел – дверь-то открыта настежь второй день. Выгнал Аврору, она как раз собралась там прибраться, и засел тебя дожидаться. Сказал, что дверь застрахована, тебе нужно только расписаться, и все будет в порядке.

– Веня! – Платон поманил племянника пальцем, тот наклонился. – У тебя есть пистолет?

– Конечно.

– Дай мне.

– Тони, ты просишь дать тебе пистолет? – уточнил Вениамин.

– Дай мне этот чертов пистолет и не задавай лишних вопросов! – зашипел Платон и задержал ногами в бессильной попытке затопать ими, сидя в инвалидной коляске.

– Тони, ты не разрешил Федьке приводить в твой шикарный кабинет девочек, а мне – трогать там вещи и смотреть видео. А теперь хочешь пристрелить в этой комнате страхового агента за то, что он собрался выплатить страховку за развороченную дверь? Прикинь, кто будет отмывать кровь с ковров и все такое?

– Пусть Аврора отмывает, она сама напросилась в домработницы!

«Настоящий припадок бешенства», – автоматически отметил про себя Платон. Давно с ним не было подобного, очень давно – лет двадцать? «Девятнадцать», – вспомнил Платон. Голова стала трястись сильнее, но речь постепенно выравнивалась.

– Тони, я не могу дать тебе оружие.

– Почему? – вдруг успокоился Платон и даже потихоньку дотянулся правой рукой до рта, чтобы утереться.

– Ты обозвал его «чертов пистолет». А раньше ты никогда не ругался. И еще. Тебя стукнуло справа. А ты как раз стреляешь правой. Зачем рисковать? Хочешь пришить своего страхового агента – мы с Федькой к твоим услугам, сделаем все, как надо, в положенном месте, и тело никогда не найдут.

– Спасибо, родной, – потрепал Платон племянника за ногу. – Спасибо... Ничего не надо. Уже все прошло.

Вместе с бешенством ушли последние силы. Закатившись в кабинет, Платон почти минуту смотрел на старика в инвалидной коляске с серым, слегка перекошенным лицом и окровавленным ртом вампира. Потом вдруг понял, что смотрит в зеркало, и чуть не разрыдался.

– Позвать медсестру? – раздался голос из угла комнаты.

Платон взгляделся и с облегчением перевел дух: на лежанке для томного и сладострастного отдыха сидел Коля Птах.

– Не надо, – достав из кармана салфетку, Платон приложил ее к прокушенной нижней губе. – Это вы страховой агент?

– Не похож? – серьезно спросил Птах.

– Почему же, похожи. Вы на кого угодно похожи, таких безликих, вероятно, и набирают в Контору. Чтобы в помещение вошел сантехник, а вышел – престижный адвокат, и все без подозрений.

– Правильно понимаете нашу работу, – кивнул Птах.

– Убирайтесь вон из моего кабинета, я хочу отдохнуть, – не меняя тона, приказал Платон.

– Платон Матвеевич, а ведь вы должны меня поблагодарить. Я спас эту комнату от нашествия вашей домработницы.

- Вы хотите сказать – вашего агента?
- Ошибаетесь, Платон Матвеевич, никакого агента мы к вам не подсылали. Сейчас мои люди проверяют данные на эту женщину, но пока ничего подозрительного не обнаружили.
- А как же – взрыв? Моя дверь – Аврора сразу определила взрывчатку?
- Мы сами в недоумении. За вашей квартирой ведется наблюдение, и предположить, что некто заложил вам под обивку двери пластид, да еще профессионально подключил взрыватель на поворот ключа в замке – и все это за те сорок минут, что Аврора Дропси потратила на покупки...
- Вы сказали – Дропси?
- А что такое? Вы что-то вспомнили?
- Нет, так, показалось... Дропси – это по-английски «водянка», так ведь? Странно, слово кажется знакомым, где-то мелькало в прошлом.
- Она просто рвалась в эту комнату. Говорит, что хотела убрать. Как только мы услышали звуки возни с замком, мы ей позвонили и приказали сюда не заходить.
- Что значит – услышали? Что значит – приказали? – удивился Платон.
- У вас в квартире все прослушивается. Согласитесь, если бы эта женщина обнаружила ваш тайник с компьютером, – Птах кивнул на стену у зеркала.
- Зачем он ей? – отвел глаза Платон.
- А зачем она вообще проникла в ваш дом? Почему вы разрешаете приходить сюда посторонним, да еще в то время, когда здесь поселились ваши племянники?
- Я думал, что она – ваш агент, – поник головой Платон. – Я был почти уверен, что ее прислали вы, чтобы приглядывать, следить... – он задумался и поднял голову. – А как она объясняет свои действия по спасению моих племянников от взрыва?
- Да никак, – раздраженно сказал Птах, встал и подошел к окну. – Говорит, приехала из магазинов, увидела от лифта, что дверь внизу надрезана, подумала, что, может, это взрывчатку кто подложил. Короче, врет, как сивый мерин, – заключил Птах.
- А если не врет?
- Врет! – категорично повторил Птах. – Мы проверили. От лифта низ вашей двери плохо просматривается, если специально не вглядываться, ни за что не заметишь разрез – профессионал же делал, говорю вам.
- И что это все значит? – запутался Платон. – Она не ваш человек, она не могла заметить разрез на обшивке двери, находясь у лифта, но почему-то спасла моих племянников!
- Скажем так, она спасла вашего младшего, – со значением заметил Птах. – Он шел первым. По нашим предположениям Аврора стояла у лифта давно. Почему, спрашивается? Вопрос. Потом, когда Вениамин Омолов подошел к двери, она выбежала и стукнула его. Не рассчитала силу удара и завалила хозяйственной сумкой обоих на лестницу.
- Простая такая домработница, да? – развел руками Платон.
- А вы, я вижу, на поправку идете, – повторил его жест Птах и тоже развел руками.
- А что мне остается делать? Стресс, как говорится, вышибается стрессом. Если не сдохну, то выздоровею и повешусь!
- Так уж и повеситесь, – покачал головой Птах.
- Откуда вы знаете, что у меня в этой комнате есть тайник? – пошел ва-банк Платон.
- Мы достаточно легко нашли его, когда ставили прослушки, – Птах точным движением указал на панель справа от зеркала.
- И кассеты, естественно, вы тоже обнаружили?
- Естественно.
- А мне кажется, вы их обнаружили не тогда, когда ставили свои прослушки. А задолго до того, чтобы приготовиться к шантажу.

– Платон Матвеевич! – укоризненно заметил Птах. – Вас можно в Интернете поймать, если иметь сильное на то желание.

– Мы не в Америке, – отвел глаза Платон. – Здесь я могу просматривать любые сайты из Интернета. И знаете что, Птах... – он задумался, потом решительно вскинул глаза, – хватит меня стращать статьей. Я абсолютно пассивен, вам не удастся меня поймать даже на онанизме во время просмотра по Интернету фотографий юных Психей.

В дверь постучали. Неслышно ступая по коврам тонкими шпильками, медсестра принесла на подносе две чашки чая и металлическую коробочку. Удивленно огляделась, но, обнаружив себя в зеркале, тотчас же переключилась на любование с пристрастием – одернула халатик, выпрямила спину, после чего поставила поднос на столик, пощупав мимоходом двумя пальчиками шаль на нем.

– Укольник, – повернулась она к Платону и изобразила ласковую улыбку.

И пока закатывала ему рукав рубашки, пока готовила все необходимое из коробочки, медсестра исподволь обшаривала глазами комнату, и в глазах этих были и любопытство, и затаенный, почти животный испуг попавшей в западню искушенной самочки – она почти поняла, что ловушка подстроена для странных и неизведанных игр. Платону было видно, как нервно двигаются ее тонкие ноздри, и он усмехнулся про себя: ничего тебе не унюхать, маленькая рысь, воздух здесь свежайший.

– Мне остаться у вас до завтра? – переложив на Платона право выбора медсестра, вскинув на него умело подкрашенные глаза.

– Спасибо, не надо. Мне уже лучше, сами видите, – он пошевелил пальцами правой руки и многозначительно добавил: – Коленотерапия – великая вещь.

Она кивнула с серьезным видом, достала из кармана халата салфетку, намочила ее из пузырька и с тщательностью вытерла с подбородка Платона запекшуюся кровь.

Мужчины дождались, пока медсестра выйдет. Платон отдал должное ее походке – девушка шла на носочках, стараясь не наступать на ковер тонкими каблуками, а Птах – ее чутью. Медсестричка за несколько секунд поняла предназначение комнаты и почти околдовалась ее роскошью и негой – она уходила неохотно и была слегка растеряна – ее, почти всегда повелевающую, абсолютно лишили власти.

– Так о чем мы говорили? – очнулся первым Птах.

– Об Интернете, – напомнил Платон и с благодарственным кивком принял от собеседника чашку с чаем.

– Интернет – ловушка для изгоев, – заметил Птах. – В дни нашей с вами молодости такой отравы не было и в помине. Информация добывалась в реальном поиске, разве это сравнится с клацанием по кнопкам? Взять, к примеру, вас, Платон Матвеевич. Думаете, мы начали изучать ваши жизненные пристрастия, когда узнали о делишках брата?

Платон промолчал.

– Гораздо, гораздо раньше, – Птах говорил с грустной улыбочкой, как будто ему было жаль потерянного на Платона времени.

– Когда? – спросил Платон, разогнул руку, уронив ватку на ковер, и стал рассматривать крошечную дырочку над голубой прожилкой вены.

– Как только вы при приеме на работу написали в анкете, что не женаты. И через три года – не женаты. И через пять. И ваши кратковременные сожительницы все выглядели нашкодившими школьницами. Высокая брюнеточка, помните?... Я мог бы завести дело по заявлению родителей: малышка бросила институт на первом курсе, родители просили избавить их юную дочь от привязанности, мешающей комсомолке в учебе. Может быть, пришлось бы вас для острастки уволить – родители студенточки оказались весьма влиятельными людьми из науки, но...

– Я ушел по собственному желанию, – напомнил Платон. – Знаете, я подозревал, что вы специально держите в своем ведомстве людей с...– Платон задумался, – с отклонениями, что ли, чтобы иметь над ними в случае необходимости определенную власть.

– Что вы имеете в виду?

– Гаврилов из пятого отдела занимался боями без правил. Он ведь мог убить кого-нибудь в поединке. Да и у нас в бухгалтерии двое играли на бегах, а одна женщина вообще ездила каждую весну на Большую игру покеристов.

– Браво. Откуда вы узнали? – Птах поставил чашку на поднос и изобразил ленивое похлопывание в ладоши.

– Я – толстяк, располагающий к доверию, – пожал плечами Платон. – Это вы прислали мне девятнадцать лет назад те фотографии?

– Допустим, и что? Я тогда работал в отделе внутренних расследований, и Контора наша имела другое название. Я отвечал за моральный облик служащих. Я ждал, и вы попались. Девочке было пятнадцать лет. Как ее звали... Лукерья?.. Нет, дайте вспомнить...

– Прекратите.

– Хорошо, – легко согласился Птах.

– Нас ведь сейчас кто-то слушает, так?

– Пусть вас это не беспокоит. Я веду дело, я сейчас здесь, с вами.

– Ее звали Алевтина. Богуслав подобрал девчонку где-то у трех вокзалов, она сказала, что убежала из дома.

– Ох уж эти нежные беззащитные нимфетки, – притворно вздохнул Птах.

– Она знала? – отважно посмотрел Платон в глаза своему мучителю.

– Что? Девчонка? Конечно, нет. Никто не знал об этих фотографиях, как-нибудь при случае я вам поведаю удивительную историю, каким образом они попали ко мне. Скажу вам больше. Она исчезла. Совершенно бесследно. Даже я не нашел никаких следов, а уж я-то, сами понимаете... Вы могли бы сообразить, что я прислал вам анонимно эти фотографии именно потому, что никак не мог ее найти. Вы могли бы это понять, если бы знали специфику нашей работы, но вы были всего лишь бухгалтером.

– И братом Богуслава Омолова, – кивнул Платон.

– Вот именно, – кивнул Птах. – Спасибо за сотрудничество, Платон Матвеевич.

– Я почему-то все время ее вспоминаю, – заметил Платон, а сам крепко-крепко сжал веки, испугавшись, что расплечется и не сможет потом остановить слезы, по крайней мере из непослушного правого глаза они будут сочиться, пока тот не вытечет печалью и жалостью к девочке, которая когда-то с выражением блаженства на лице пила его дыхание.

– Вы справились с важным заданием.

– Она сказала мне, что ей восемнадцать, – не слышит Платон.

– Правда, полгорода видело вашу машину и вас, размахивающего пистолетом в открытом «Шевроле», но это уже детали.

– Что вы сказали? – очнулся Платон.

– Я сказал, что вы отлично справились с важным заданием. Теперь каждый второй житель Ялты может присягнуть, что видел, как убийца стрелял в бандита Пончика из открытого автомобиля на большой скорости. И вы подумайте – попал в глаз!

– Это полный бред! – дернулся Платон. – Я был последним дураком, что согласился на эту вашу аферу, но попасть в глаз?.. Это правда? Как такое возможно?

– Снайпер, – коротко ответил Птах, развалился на лежанке и стал подсовывать себе под голову и под спину подушечки.

– Да хоть вы не говорите мне этого слова, я больше не могу его слышать, это же... – Платон вдруг запнулся и внимательно посмотрел на Колю Птаха. – Вы хотите сказать, что там был настоящий снайпер?

– Конечно, – кивнул тот и потянулся к деревянной резьбе.

– Не трогайте руками! На дереве потом остается жирный след! – Платон подкатился по коврам к лежанке и всмотрелся в лицо Птаха. Тот уже больше не казался ему веселым старичком. – Собачка с собачкой, бык с коровкой, а вот тут недоработка – осел трахает женщину, – Коля Птах показал пальцем, предельно близко подведя его к резьбе.

Платон выдержал эту его выходку, потому что был занят обдумыванием обстоятельств убийства бандита на террасе гостиницы.

– Значит, я выстрелил, и в этот момент...

– Через полторы секунды, – уточнил Птах. – Никак было не разобрать, когда же вы станете стрелять. Вы размахивали пистолетом, кричали и совсем не целились, понимаете? Мои люди даже стали беспокоиться, не спугнете ли вы своим поведением Пончика.

– И ваши люди вот так запросто прикончили человека? – шепотом спросил Платон.

– Очнитесь, Платон Матвеевич! Он третий год в розыске. Если бы не ваши племянники, мы бы его в жизни не нашли.

– Но раз вы его пристрелили, значит, уже знали, где он? – ничего не понимал Платон. – Почему не арестовали?

– Где? На Украине?

– Не выкручивайтесь! – возмутился Платон. – Как говорят мои племянники – не надо базара о границе!

– Никакого базара! – кивнул Птах. – Операция была проведена совместными силами русских и украинских спецслужб. А ваш покорный слуга получил денежное вознаграждение за сведения о местонахождении разыскиваемого преступника. А то, что преступник был нечаянно убит при проведении операции...

– Нет, вы не выкручивайтесь, я знаю, почему вы его не арестовали, а застрелили, да еще в глаз! – откатился Платон и погрозил Птаху пальцем еще не совсем хорошо слушающейся правой руки. – Чтобы утвердить в умах моих дебилов племянников, что я киллер! Авторитет! А зачем, спрашивается, вам это нужно? Чтобы они мне доверяли безоговорочно и слушались во всем!

Коля Птах смотрел на Платона спокойно, с хитринкой в глазах.

– Какие же они дебилы? – спросил он. – Младший полностью спланировал операцию – за один день, только подумайте, а старший обеспечил три автомобиля, самолет, фургон «Скорой помощи» и оружие. Вас вывезли с места убийства настолько профессионально и быстро, что, вероятно, теперь это войдет в пособие для подготовки специальных агентов. Не говоря о том, что братья обнаружили место пребывания человека, успешно прятавшегося уже три года. И еще, что касается ваших племянников. Информация о том, что вы киллер номер один, законспирированный под бухгалтера и работающий под прикрытием спецслужб, поступила к ним от меня.

– Что?.. – опешил Платон. – От вас? – Он схватился за колеса, спустил ноги и резко встал на них.

– Конечно, – спокойно ответил Коля Птах, легким тычком указательного пальца в живот отправив Платона обратно в коляску. – А вы думали, почему они ринулись к вам с уважением и радостью?

– Да как же такое возможно, – не мог поверить Платон, – кто вам позволил и зачем это было нужно?!

– Сами сказали зачем. Чтобы они вам доверяли безоговорочно и слушались во всем.

Помолчав, Платон торжественно заявил:

– Коля Птах! Вы – сволочь!

– Тоже мне новость, – отмахнулся Птах. – А вот вы скоро станете материться и плевать на пол сквозь зубы. Где ваш телефон?

– Телефон? – осмотрелся Платон Матвеевич. – Не знаю, потерял, наверное. Я перед путешествием в Ялту напился, как свинья, потом опохмелился каким-то мексиканско-хохлатским соусом, запил его полубутылкой пива с растворенным в нем наркотиком, а вы спрашиваете, где мой телефон?

– Спокойно, Платон Матвеевич. Потеряли – не страшно. Вот вам новый аппарат.

Птах встал и, как ребенку, надел на шею Платона разноцветную веревочку с мобильником на ней.

– Нажмете кнопочку пять, вам ответят – «бухгалтерия слушает»...

– Прекратите разговаривать со мной, как со слабоумным.

Птах наклонился поближе и, поправляя на груди Платона телефон, прошептал:

– Ей было пятнадцать.

Уставший до оцепенения Платон вдруг захватил левой рукой пиджак Птаха и притянул того еще ближе, чтобы смотреть в скривившееся розовое личико сверху вниз.

– Хотите поговорить о пристрастиях? – спросил Платон.

– Это пристрастие называется опасным для общества сексуальным отклонением, – просипел Коля Птах, вырываясь. Впрочем, совершенно безуспешно.

– Так вы хотите поговорить о сексуальных отклонениях! – удовлетворенно кивнул Платон и оттолкнул от себя Птаха. – В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, если не ошибаюсь, на дружеской вечеринке после празднования годовщины Великого Октября ваши коллеги – достойные коммунисты и семьянины – засовывали некоторым комсомолкам из бухгалтерии бутылки в заднепроходные отверстия. И что же? Кто-нибудь назвал это сексуальным отклонением или воспользовался для шантажа отснятой тогда пленкой?

– А что, была пленка? Кто снимал? – встрепенулся Коля Птах.

Платон обессилел:

– Вы скучны в своем профессиональном рвении шантажиста и совершенно бесполезны, как собеседник.

– Это потому, что я сознательно не поддерживаю навязанную вами интригу, – огрызнулся Птах. – Давайте придерживаться общепринятых норм морали.

– Морали, – ухмыльнулся Платон. – При чем здесь мораль? Мы по-разному воспринимаем прекрасное в эротике. То, что вы называете «сочными сиськами», я определяю для себя, как вымя. Для вас – «шикарная задница», для меня – круп. Когда вы говорите о предмете желаний, вы очерчиваете в воздухе силуэт фантийского кувшина – узкое горлышко переходит в расширенное вместилище жидкости. А я представляю удлиненный настенный светильник коринфян.

– Чего? – нахмурился Птах. – Скажите проще. Что может привлекать в недоразвитом теле?

– Смысл жизни, – просто ответил Платон. – Смысл жизни в ее священной хрупкости.

– Странно слышать подобное от человека вашей комплекции.

– Кто знает, – вздохнул Платон, – кто знает...

– До определенного вашим братом совершеннолетия Федора Омолова осталось чуть больше месяца, – вдруг заметил Птах, рассматривая себя в зеркале.

Платон уставился на его отражение и вдруг разглядел страх.

– Вы сейчас задаете себе вопрос, кто мне позволил вторгаться в вашу жизнь, да? – подловил его взгляд Птах. – Рыться в интимном, заставлять выделять совершенно невероятные вещи, так?

– Это смерть позволила, – ответил Платон тихим голосом. – Я уже думал об этом. Только смерть брата могла позволить вам вытворять со мной такое. И знаете, что еще мне пришлось в голову? Раз вы используете даже смерть себе на пользу, что вам стоило самому ее организовать?

Они смотрели друг на друга в зеркале, и тоска сковала сердце Платона предчувствием горя. И еще он подумал, что сейчас может умереть – еще один инсульт. Или просто превратиться в неподвижный обрубок, а этот человечек с детским розовым личиком, которое бывает у «доброго пьяницы», как подметил в своей книжке Рабле, будет приходить и высасывать остатки жизни из его обездвиженного тела или бесцеремонно топтаться у могилы.

Дверь кабинета резко распахнулась – ни намека на стук, – и вбежал радостный, возбужденный чем-то Вениамин.

– Сто двадцать восемь! – выпалил он.

– Веня!.. – перебил его Платон, пытаясь предупредить племянника, чтобы тот молчал в присутствии Птаха, но не успел.

– Сто двадцать восемь маленьких сереньких личинок! Они все живые, – закончил Веня уже менее радостно, заметив, наконец, выражение глаз дядюшки, и вдруг – толчком – пролетел от двери к середине комнаты.

За ним появился сердитый Федор – это он толкнул брата.

– Я считаю это насмехательством, – заявил Федя, подумал и уточнил: – И даже надругательством!

– Давайте обсудим наши семейные проблемы без посторонних! – угрожающе повысил голос Платон.

Коля Птах вертелся в комнате еще минуты две, уверяя присутствующих, что страхование от несчастных случаев – лучший способ уберечь себя от любых надругательств. Потом ушел.

– Кто над кем надругался? – устало закрыл глаза Платон, поникнув головой.

– Гимнаст надругался над трупом, а Веня ему помогал!

У Платона опять все похолодело внутри. Гимнаст надругался над трупом? Поистине – горе тянет за собой все новые неприятности! Как говорится, подошла беда... Двадцать лет назад Гимнаста уволили из морга, где он и жил и сторожил, именно за надругательства над трупами. Гимнаст оставлял на мертвых телах надписи, смысл которых понять было трудно, уверяя, что это послания на тот свет, за что и отбыл полгода в психушке.

– Где Гимнаст взял труп? – тихо спросил Платон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.